

Владимир
КОЛЫЧЕВ

**БРАТ,
МСТИ ЗА ЛЮБОВЬ**

ЭКСМО

Брат

Владимир Колычев

Брат, мсти за любовь

«ЭКСМО»

2000

Колычев В. Г.

Брат, мсти за любовь / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2000 — (Брат)

Наконец-то бандитская жизнь для Никиты `Брата` в прошлом. Впереди – честная жизнь нормального человека. Но снова на его пути встают `братки`, снова он вовлечен в борьбу за выживание. И все из-за Марты, любимой девушки. Три года назад ее безжалостно втоптали в грязь насильники. Никита хочет расквитаться с ними... Но, оказывается, она и сама не промах.

© Колычев В. Г., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Владимир Колычев

Брат, мсти за любовь

* * *

Раннее утро. Всем классом они только что ходили встречать рассвет. Посидели на дощатой пристани у озера, поболтали о прошлом, о планах на будущее. Дождались солнца – и назад в город. С подружками Марта рассталась возле школы. Дальше домой одна. А идти не далеко, всего три квартала...

Красивая, в пышном бальном платье, легкая, воздушная, она пушинкой летела домой. Настроение – лучше не бывает. Все, кончилась школьная пора. Наступала новая жизнь. И она знает, как ее начать. Она станет актрисой. Поступит в театральный институт, закончит его и станет актрисой...

Марта улыбалась, душа ее пела. Как хорошо, когда впереди тебя ждет блестящее будущее!..

Утро только-только зародилось. Первые лучи солнца еще робко хозяйничали в спящем городке. Вокруг тишина. Лишь птицы щебечут да где-то далеко заголосил петух. Улицы пустыньны.

До дома осталось совсем ничего, когда вдруг послышался шорох колес. По дороге мчалась машина. Марта не обратила на нее внимания. Но обернулась, когда совсем рядом взвизгнули тормоза. Вишневая «девятка» остановилась в двух шагах. Резко распахнулась дверца, и показался парень с неприятной физиономией. Узкий лоб, глубоко посаженные глаза, широкие надбровные дуги, багровый шрам на правой щеке, кривой нос, массивная нижняя челюсть. И сам огромный как гора.

Марта отвернулась от него и пошла дальше, ускорила шаг.

– Эй, подруга, погоди! – гаркнул парень.

От его громкого скрипучего голоса у нее по спине пробежали мурашки.

– Не, ну ты чего, я же только спросить хотел... – с досадой бросил ей вслед мордоворот. Но Марта не собиралась останавливаться. Ей было страшно.

Машина тронулась с места, обогнала ее, перегородила путь. И снова мордоворот.

На лице подобие улыбки.

– Ну ты чего, подруга, я ж с тобой по-хорошему...

– Что вам надо? – Марта уже была близка к истерике.

– Да мне бы улицу узнать. Как ее... Ленина, вот...

– Это не здесь. Это дальше...

– Поехали, покажешь...

– Еще чего!

Марта сделала шаг назад, затем два в сторону. Ей нужно обойти здоровяка, машину. Но мордоворот разгадал ее маневр. Резко шагнул к ней, схватил за руку. Приблизил к ней своей противное лицо. В нос ударил запах перегара.

– Не, ну ты чего, киса? Поехали. Покажешь...

– Нет... – дернулась Марта.

– Да! – рыкнул мордоворот.

– Отпустите, я буду кричать!.. – пригрозила Марта.

И тут же ее лицо оказалось в тисках широких потных ладоней. Из машины вылез еще один здоровяк. Черные волосы, уродливое лицо – будто пушечное ядро в него когда-то попало.

Они силой затащили Марту в машину. Она пыталась сопротивляться. Но куда там. Для нее это было все равно что на ходу остановить грузовик...

Марту впихнули в салон, хлопнули дверцы, взревел двигатель – машина стрелой полетела по пустынной улице. Парень за рулем включил магнитола на полную мощность. Тюремные песни. Марта не любила их. А сейчас слушать их особенно невыносимо.

– Теперь можешь кричать! – гоготнул ей в ухо мордорот и убрал руку с ее рта.

Марта забилась в истеричном плаче. Она сидела на заднем сиденье между двумя здоровяками. И у нее не было абсолютно никакой возможности вырваться из этих тисков.

– А ты классная киска! – прорычал ей на ухо второй здоровяк.

И Марта с ужасом почувствовала, как его грубая рука забралась ей под платье, всунулась меж ее ног.

– Не надо! – закричала она.

Она смогла освободить руку и закатить нахалу пощечину. Но для того ее удар как для слона дробина. Не лицо у него – морда, обтянутая грубой дубленой кожей.

Здоровяк даже боли не почувствовал. Но разозлился.

– Не, ну ты чо, коза бодучая! – возмутился он.

И сам ударил ее. Раскрытой ладонью по щеке. Марте показалось, что мозг в ее голове сорвался с креплений, перед глазами пошли круги, к горлу подступила тошнота. И голова сильно-сильно закружилась...

А рука уже втиснулась между ее ног, ухватилась за трусики. Послышался треск разрываемой ткани.

Марта нашла в себе силы еще раз возмутиться подобным произволом. На этот раз она ногтями вцепилась насильнику в лицо, сорвала с его щеки полоски кожи.

– Ну тварь! – заревел он.

И размахнулся, ударил ее кулаком в лицо. Сотрясение, боль, вкус ржавчины и сильнейшее головокружение. Марта начала проваливаться в бездну беспомыслия...

Очнулась она за городом, в лесу возле того самого озера, где совсем недавно встречала рассвет. Тело скручивала невыносимая боль, все естество содрогалось под натиском свирепой мощи насильника. Она лежала на капоте «девятки» на спине, совершенно голая. А в нее грубо и с дикой силой входил третий насильник. Тот, который сидел за рулем. Только сейчас Марта могла видеть его лицо. Вполне приличный на вид парень. Интеллигентное лицо, каштановые волосы в аккуратную прическу уложены. И только взгляд у него дикий. Будто дьявольский огонь в его глазах горит...

Чья-то рука больно схватила ее за волосы, повернула голову. Марта с ужасом увидела, как на нее надвигается уродливая сарделька с раздвоенным концом...

Все это было выше ее сил. Она истерично закричала, и ее накрыл спасительный обморок...

В следующий раз пробуждение уже не было таким страшным. Она лежала на траве возле озера. Насильники исчезли. Она была одна. Совсем голая, рядом валялось разорванное платье.

Марта потянулась за ним. Но тело пронзила жуткая боль. Она застонала. Ей стало еще больней. Голова, казалось, начала разваливаться на части...

Она была в ужасном состоянии. Внизу было разорвано все, что можно. Во рту не хватало верхнего ряда передних зубов – Марта не сразу поняла, зачем эти гады сделали это. А когда поняла, ком тошноты подскочил к горлу – ее вывернуло наизнанку.

Превозмогая себя, она встала, кое-как прикрыла наготу окровавленным платьем и медленно пошла по направлению к дому.

Слезы застилали ей глаза, в голове шумело, мысли путались в один кровавый клубок. А потом в голове образовался защитный вакуум. Марта потеряла способность думать, анали-

зирать события. Мозг отказывался принимать болевые сигналы – тело будто онемело, боль отступила.

Медленно, на широко расставленных ногах она шла вперед. Она ничего не видела перед собой... И только омерзительные лица насильников стояли перед ее глазами. Она не страдала, не убивалась. Она тупо думала о мести. И эти мысли приносили ей облегчение...

* * *

Марта лежала на высокой койке в больничной палате с облупившимся потолком. Рядом с ней сидела женщина в милицейской форме и погонами капитана милиции. Марта смотрела на нее пустыми глазами.

Уже два дня она здесь. изнасилованная, униженная. Внутренности, казалось, вывернуты наизнанку, все тело в синяках. Сотрясение мозга, вывих челюсти, выбитые зубы. Весь этот букет в подарок от подонков.

Марта уже пришла в себя. Картины насилия волнами накатывали на нее, будоражили сознание, наполняли естество омерзением...

Ее изнасиловали трое. Сначала по очереди, затем все сразу. Она слышала, как в коридоре с мамой разговаривал врач. «Это не люди, это звери. Ваша дочь могла умереть...» – говорил доктор. «Да, да, она у меня такая худенькая, такая слабенькая... – всхлипывала мама. – Она же совсем еще ребенок».

И Марта плакала. Она до смерти жалела себя. Всего два месяца, как ей стукнуло семнадцать. При росте сто семьдесят пять она весила чуть больше сорока. Тонкие аристократические руки, худые длинные ноги. А еще она красивая. Синеглазый ангелочек с русыми волосами-крыльями... Так на лирический лад называла ее мама... Красота Марту и погубила. Появились демоны и швырнули ангела в бездну ада... И как теперь из этого ада выбраться? Ответа на этот вопрос Марта не знала...

Она невыносимо страдала. Иногда ей хотелось наложить на себя руки... Облегчение наступало только тогда, когда она представляла насильников на скамье подсудимых. Жалких, униженных. Ей хотелось видеть, как мучаются они в ожидании сурового приговора, как прячут глаза от людей...

– Итак, вы утверждаете, что вас изнасиловали, – сказала женщина-милиционер.

И почему-то строго посмотрела на нее.

Марта кивнула. Да, она утверждает. Да разве это не понятно? Неужели можно подумать, что она сама отдала себя на растерзание этим нелюдям.

– Сколько их было?

– Трое... – с трудом выдавила Марта.

Ей было больно говорить. И вообще общаться ни с кем не хотелось. Но следователь не раздражала ее. Марта хотела справедливости, на страже которой стояла эта женщина. Она должна найти и покарать преступников. И Марта должна ей в этом помочь.

– Как все было?

– Они затащили меня в машину...

– И вы позволили им это сделать, – не спросила, а констатировала следователь.

Марта удивленно посмотрела на нее. Она что, глупая или просто издевается над ней? Будто кто-то спрашивал ее – можно ли вас, Марта, в машину затащить?..

– Вы знаете этих людей?

– Нет...

– Почему же они пристали именно к вам?

– Больше никого не было...

Марте уже не нравилось разговаривать с этой женщиной и отвечать на ее глупые вопросы.

- Марка машины?..
- Вишневая «девятка»...
- Номер?..
- Я не знаю...
- Вы запомнили лица этих людей?..
- Да какие же они люди? Они нелюди...
- Да...
- Вы можете составить фоторобот?

Женщина объяснила, что такое фоторобот. По какому принципу составляется портрет преступника.

- Да, могу...

Марта отчетливо помнила лица насильников. Физиономии двух здоровяков, которые затаскивали ее в машину, запечатлелись в ее сознании. Смутно, но все же достаточно твердо она запомнила лицо третьего. Именно он насильничал над ней, когда она пришла в сознание первый раз. Никогда не забыть ей этого зверского похотливого выражения на его гнусном лице...

Но вскоре оказалось, что фоторобот Марта составить не смогла. Она ясно представляла физиономии преступников. Но когда нужно было подобрать все по отдельности – лоб, уши, нос, губы, подбородок, – она терялась. У нее ничего не получалось.

Марте казалось, что женщина-следователь уже думала, будто она не хочет, чтобы насильников нашли. Так, словно не желает предавать память о тех счастливых мгновениях, когда ее насиловали сразу трое...

Но нет, это неправда. Она ненавидела преступников. Она проклинала их. И ничего не хотела в этой жизни, кроме одного – найти их и покарать...

Шел тысяча девятьсот девяностый год. Лето и осень она провела дома. Зато она отправилась в столицу зимой. Ее пригласила к себе родная сестра Люба. Любе было уже двадцать два, и она заканчивала физкультурный институт. Для Марты она выхлопотала место на каких-то подготовительных курсах для поступления в ГИТИС.

Марта ехала в столицу не для того, чтобы стать знаменитой. Она уже не думала всерьез о карьере актрисы. Будто что-то умерло в ней. В Москву она ехала, чтобы навсегда забыть свой родной городок. Может быть, тогда она сможет забыть тот самый страшный в ее жизни день, когда над ней надругались три ублюдка. Их ведь так и не смогли найти...

Но скоро Марта поняла, и здесь, в столице, она никогда не сможет забыть трагедию своей жизни...

Часть I

Глава 1

Только что все было в полном порядке.

Никита возвращался домой. После двух армейских лет. И после полугода бандитской эпопеи. На нем военная форма – как будто он дембель. Два года армии он оставлял за собой, а те кровавые полгода навсегда вычеркивал из своей жизни. Мать и отец ждут его трезвые, в собственной квартире, накрыт праздничный стол.

«ДМБ-93», возвращение домой... И тут на тебе! Черный «БМВ», бандитские рожи...

Все резко изменилось.

– Не, ну чо за дела, вояка ты долбаный? – нахраписто спросил первый мордоворот в кожаной куртке на меху. – Какого хрена, бля, под колеса лезешь?..

– Да жить ему надоело...

К Никите подошел второй здоровяк. Морда два на два, улыбка. Улыбка не простая, а вызывающая. В смысле кирпич на себя вызывает...

– Ребята, вы не правы, – миролюбиво ответил Никита. – На красный свет зачем едете?

– Это наш город, по-онял? – заявил первый браток. – Мы тут самые крутые, по-онял? Да нам здесь все по барабану, по-онял?..

– Понял, понял, – отгородился от него руками Никита. – Все понял и отваливаю...

Надо уходить. От греха подальше. Влезешь в конфликт, заварится крутая каша. И снова война. А Никита так от нее устал...

– Э-э, я не понял! – протянул браток и схватил Никиту за руку. – Ты куда, козляра вонючий?

Никита, казалось, сейчас заплачет – с таким видом он посмотрел на братка. Но он не заплакал. А хищно процедил сквозь зубы:

– А за козла ведь ответку надо держать?

– Не, в натуре, ты чо, еще бакланить здесь будешь?

Браток выбросил вперед кулак. Но Никита был наготове. Он резко присел на ногах и мощным движением вогнал свой кулак ему в пах. Браток взвыл от боли и повалился на землю.

Второй браток осоловело посмотрел на Никиту и тоже ударил. Ногой. Но промахнулся. Никита отбил удар и провел первоклассный апперкот. Мордоворот ослаб и кулем осел на асфальт.

Но это было всего лишь начало.

Из машины выбрались еще двое. Первый – здоровяк с омерзительной рожей. Глубоко посаженные глаза, багровый шрам на правой щеке. На скошенных губах гнусная улыбка.

А второй... Никите стало жарко, когда он глянул на надвигающуюся на него махину. Человек-гора, пустой рыбий взгляд. В глазах полное равнодушие ко всему. Но в них еще и приговор. Ни злости. Ни ярости. Ни волнения. Просто приговор. Холодный, неотвратимый.

Человек-гора подошел к Никите.

– Сломай его, – приказал ему мордоворот со шрамом.

И тут же в Никиту устремился тяжеленный кулак.

Никита увернулся, подался чуть вправо и вложил всю силу в свой удар. Его кулак врезался противнику в челюсть. Но тому хоть бы хны. Будто даже не заметил он, что его ударили. Руками-граблями он подцепил Никиту за ремень и за ворот шинели, быстро, рывком вознес его вверх. И резко опустил. Никите показалось, что он на полметра вошел в землю. И тут же на него сверху обрушился кулак.

Никита вовремя увидел и оценил опасность. Но успел лишь немного отклонить голову вправо. Кулак метил ему в темечко, но рубанул по плечу, смял ключицу. Адская боль ворвалась в каждую клеточку его тела. Рука мгновенно отнялась. Болевой шок едва не отключил сознание.

А человек-гора начал замахиваться снова...

Все произошло в считанные доли секунды. Рядом с «БМВ» вдруг остановилась белая «шестерка». Краем глаза Никита отметил, как из окошка высовывается чья-то тонкая рука. В ней пистолет с цилиндром глушителя. Выстрел. Еще один.

Человек со шрамом дернулся. Одна пуля попала под нос, в плотно стиснутые губы. Во рту образовалось крошево из зубов и плоти. Вторая пуля угодила точно в лоб.

Никита не слышал первых выстрелов. Прибор бесшумной стрельбы надежно заглушил и третий. Пуля врезалась человеку-горе в спину, раздробила правую лопатку. Тот так и не смог опустить свой кулак...

Никите показалось, что четвертый выстрел предназначен ему. Он резко подался правее, закрылся телом человека-горы. И точно, еще одна пуля продырявила это тело. Никита держал уже труп, не давал ему упасть. Недавний противник стал его щитом.

Неожиданно воздух всколыхнул вой ментовской сирены. Он вспугнул белую «шестерку» и человека, в ней сидевшего. Машина сорвалась с места и стремительно понеслась по шоссе. Ей на хвост прочно села ментовская «семерка».

Иногда менты соображают очень быстро, подумал Никита. А бандиты бывают такими тупыми, мысленно добавил он.

Он вроде бы даже с насмешкой смотрел на первую двойку братков. Они только что с удовольствием наблюдали за поединком Никиты с человеком-горой. А сейчас будто в штаны навалили. Один тупо смотрел на покойника со шрамом. Словно не мог понять, что дырка у него во лбу самая настоящая. Второй ошалело глядел на Никиту и беззвучно шевелил губами.

– Ну, чего смотришь? – спросил его Никита.

Он уже отбросил за ненадобностью труп человека-горы.

– Ты чего?.. – выдавил из себя браток.

– А что-то не так?..

– Зачем ты их? – Тот обвел трупы примороженным взглядом.

– Я?!. Их?!. У тебя что, братуха, крыша съехала?..

– Кто стрелял?

– Да мне бы и самому надо это знать...

– Не гони... Ты все знаешь...

Браток начал оживать, растормаживаться. Но взгляд по-прежнему замерзший.

– Ты, братуха, не въезжаешь, да? – Никита покрутил пальцем у виска. – Я из армии вернулся, понял, да?.. А тут вы... Свара... А потом киллер... Он твоих старших мочканул...

– Ты его не знаешь?

– Кого?

– Киллера...

– Откуда?..

– Ты все знаешь!

Никиту раздражала эта ослиная упертость. И он бы с удовольствием заткнул пасть этому уроду. Достаточно было повторить пройденное. Кулаком в дыню, и все дела...

– Кекс, в натуре, давай линияем отсюда, – растормозился второй браток.

Он схватил своего напарника за руку. И потащил к машине. Тот потянулся за ним. Они вдвоем сели в машину. И ударили по газам. Человек со шрамом и человек-гора остались лежать на асфальте.

Где-то далеко взвыла еще одна ментовская сирена. Затем вторая. Вокруг места преступления уже собралась толпа зевак. Всем было страшновато – все-таки профессиональное убийство произошло, бандиты опять же. Но уходить никто не торопился. Зеваки испуганно и с любопытством глазели на Никиту и на трупы у его ног.

Никита мог бы уйти. Но на него обязательно покажут. Менты его достанут, но могут при этом сделать неправильные выводы. И привлекут Никиту в качестве обвиняемого. А если еще и старые грехи в расчет примут...

Он остался на месте. Дождался милицейского наряда. Молодой лейтенант и два сержанта с автоматами.

Лейтенант бегло осмотрел трупы. Окинул взглядом толпу зевак.

– Граждане, кто может объяснить, что здесь произошло? – зычным голосом спросил он.

Вперед выступила какая-то старушка. Строгий взгляд пламенной революционерки, коммунистическая жажда обличения.

– Вот он! – ткнула она крючковатым пальцем в Никиту.

Лейтенант напрягся. Как будто услышал – «держите вора!».

– Вот он все видел... – уже смягченным тоном добавила старушка.

– Служивый? – спросил лейтенант. – На дембель?

– Ага, на дембель, – дурашливо захлопал глазами Никита. – Вон мой дом...

– И что же здесь произошло?

– Да вот домой шел. Мамка меня ждет, отец тоже...

– Это понятно. Меня интересует суть.

– В общем, какие-то бандюги ко мне пристали. Для них, говорят, нет красного света – только зеленый. Очень агрессивные...

– Я видел, я все видел, – затарахтел какой-то мужик. – Солдатик ни при чем. Бандюги бить его начали. А тут «шестерка» какая-то. И оттуда стрелять начали. А потом гаишная машина появилась. И в погоню...

Уже через пару минут лейтенант знал все подробности происшедшего. Никита попал в разряд потерпевших. Но его не отпускали. Ждали, когда появится оперативно-следственная бригада.

«Зеленый свет» ему дали после того, как его показания были запротоколированы. Хорошо, никто не удосужился обратить внимание на отметку об увольнении в военном билете. И печать постановки на военный учет в местный военкомат никто не заметил. Все поверили, будто он и в самом деле только что вернулся из армии.

Домой Никита пошел не сразу. Прежде он спустился в подвал своего дома. Нужно было оттуда кое-что взять...

* * *

– Ну, Никита, с возвращением тебя! – на полном серьезе поздравил его отец.

И поднял за его здоровье фужер минералки.

– С возвращением, сынок! – И мать была настроена на мажорный лад.

Она положила ему на тарелку кусок копченой семги.

– Спасибо, – не очень весело поблагодарил ее Никита.

Настроение у него, как говорится, ни в звезду.

Просторная четырехкомнатная квартира в престижном районе столицы, евроремонт, кожаный диван, телевизор «Панасоник» метр на метр – словом, достаток в доме. Родители свежие, чистые, серьезные, строго одетые. Именно такую идиллию хотел видеть Никита. Хотел видеть, когда полгода назад по-настоящему возвращался домой из армии.

Но тогда он попал в параллельный мир. Родители – опустившиеся алкоголики. Квартиру отобрал какой-то негодяй. Первое время вместе с ними Никите пришлось обитать в какой-то халупе. А потом он попал в банду – чтобы вернуть обратно потерянную квартиру и поднять родителей.

Разгульная жизнь, выпивка, девочки на фоне лихих наездов, «стрелок», разборок. Были и менты, и прессинг-допросы, и камеры следственных изоляторов. А потом началась большая война. За выживание. Никиту хотели убить свои же. Ему пришлось отстаивать свое право на жизнь. И в итоге куча трупов. Банда перестала существовать. На ее месте уже другая криминальная команда. И с ментами он разобрался, вроде бы нет у него перед ними долгов.

А квартиру он вернул. С евроремонтом и дорогой современной мебелью – такую компенсацию оставил негодяй. И родителей он вылечил, вернул к полноценной жизни.

Все, можно и самому возвращаться к нормальной жизни. И Никита сегодня шел домой, будто только что из армии возвратился. Настроение выше крыши. И тут на тебе, черт подножку подставил. Появились братки. Драка, стрельбы, мокруха. Менты, допросы, протоколы.

Сейчас Никита дома. За праздничным столом. А на душе темень, черные тучи недоброго предчувствия давят на психику.

– Спасибо тебе, сын, что о нас с матерью заботишься. Спасибо, что из ямы вытянул, – сказал отец.

И снова поднял фужер с минералкой.

– Выпьем за тебя, сынок!

Холодная минеральная вода на вкус куда приятней водки. Но Никите захотелось выпить чего-нибудь покрепче. Хоть чуть-чуть нервы успокоить.

– Ты что-то, сынок, не весел, – заметила мама. – Что случилось?..

Никита молчал.

– Опять что-то стряслось? – спросил отец. – Ну чего ты молчишь?..

– Не знаю, может, и случилось. Не знаю... Но в общем... В общем, если я вдруг исчезну, закрывайтесь и сидите дома. Как в прошлый раз...

– Опять двадцать пять, – помрачнел отец. – Снова в историю влез...

– Да нет, история влезла в меня... Может, придется отбиваться. Мне и вам...

– Но у нас же работа...

– Работа – это когда денег много платят. А у вас, извините, рабочие места, вы просто трудоустроены, не более того... Короче, деньги у меня есть. Половину вам оставлю, половину себе. Сидите дома и не высовывайтесь...

– Как скажешь, сынок... – Мать была в подавленном настроении, но крепилась.

И отец не паниковал. Они уже, казалось, привыкли к нестандартным ситуациям.

Не раз уже их пытались похитить. Чтобы через них получить выход на Никиту. Первый раз это сделал Чугунов. И потерял четверых своих бойцов.

Затем был наезд со стороны Бермуда. Три братка нашли смерть под дверями этой квартиры. На следующий день все повторилось. Снова Бермуд. И опять стрельба. Никита положил сразу пятерых.

Куча трупов. Зато родители живы-здоровы. Если они поведут себя правильно, за них можно не волноваться. Двери в квартире прочные, пуленепробиваемые. Глазок видеокamеры на лестничную площадку смотрит, обзор на экран монитора выходит. И кнопка вызова милиции под рукой. А работа... А работа ерунда. Всегда можно новую найти...

Возможно, Никита сгущал краски. Может, никому он не нужен. Но из головы не выходил труп братка со шрамом. И другой браток, который бросил обвинение в его адрес. Будто это из-за него пришли сразу двоих...

Может, поймет браток абсурдность своих претензий. А может, и нет. И тогда начнется разборка. И Никита ни за что ни про что получит пулю в затылок. Очень даже просто. Тем

более те братки были не из тех, которые живут по понятиям. Похоже, это были какие-то отморозки...

– Вы сидите, – сказал Никита родителям. – А я, пожалуй, пойду...

Он отправился в свою комнату. Закрылся в ней. Сначала подошел к окну, окинул взглядом двор. Все машины вроде знакомые. Подозрительных нет.

Никита успокоился. Но не опустил руки. Он начал собирать вещи. Словно в изгнание собирался отправиться.

В огромную спортивную сумку легли предметы первой необходимости. Туда же он упаковал элементы примитивного маскарада. Рядом лег бронежилет третьего класса защиты – наследие проклятого прошлого. Хватит ему пылиться в шкафу.

И еще одно наследие. Никита любовно выложил на стол сразу три пистолета «ТТ». Все они были совсем новенькими, в заводской смазке и промасленной бумаге. Но все прошли через подпольную мастерскую, на стволах имелись нарезки для глушителей. А вот и приборы бесшумной стрельбы – в комплекте к каждому «стволу». И патроны. По два магазина на каждый. А еще две гранаты. Одна оборонительная «Ф-1» – «лимонка», вторая наступательная «РГД-5» – в просторечии «хлопушка». С таким арсеналом Никите никакие бандиты не страшны.

Пистолет «ТТ» – мощное оружие. Но для дальнего боя совершенно непригодно. И для перестрелки не совсем годится. Кучность у него не ахти, и патронов в обойме всего восемь. Куда лучше был бы «глюк» или «беретта». У них и точность выше, и в магазине от пятнадцати до двадцати патронов.

Но Никите дальний бой ни к чему. А про перестрелку и говорить нечего. Перестрелка – это уже само по себе поражение. Чтобы побеждать, нужно опережать противника минимум на один шаг. Внезапность – гарант успеха. Ударить из-за угла или даже исподтишка – это не подлость. Это необходимость. Застал противника врасплох – ты победил. Дал втянуть себя в перестрелку – ты уже на краю гибели.

Для внезапного удара с близкого расстояния пистолет «ТТ» вещь незаменимая. Одна пробивная способность чего стоит. При начальной скорости пули в четыреста двадцать метров в секунду этот пистолет легко берет бронежилет третьего класса защиты.

Никита подготовил к бою все три пистолета, уложил на дно сумки два из них и гранаты туда же сунул.

Теперь одежда. Просторные джинсы, австрийские ботинки на толстой подошве, прочный безразмерный свитер, с которого не летят клоки или хотя бы ниточки шерсти, вязаная черная шапочка. И, конечно же, теплая куртка из настоящей некрашеной кожи. И пара кожаных перчаток, от которых тоже ничего не отслаивается.

А еще деньги. Всего восемь тысяч долларов – остатки его бывшего финансового благополучия. Три тысячи родителям, пять тысяч себе. Он обещал им половину. Но ведь ему деньги нужнее. Они это понимают даже лучше, чем он сам.

Время от времени Никита посматривал в окно. Но никаких изменений. И на лестничной площадке все спокойно.

Прежде чем лечь спать, Никита еще раз проверил, заперты ли на ключ сейфовые замки. Исправность кнопки вызова милиции тоже проверил. Все в порядке...

Спать он лег в десять часов вечера.

Очень хотелось проснуться поздно утром, в хорошем настроении. И чтобы никакие предчувствия не мучили. Тогда бы он, возможно, поверил, что никакая опасность ему не грозит.

Но, увы, внутренний будильник поднял его в шесть утра. Поздняя осень, на дворе еще темно. А за окнами «Форд-Скорпио». Вчера такого Никита не наблюдал. А вот сегодня он на месте. Именно на месте, у въезда во двор. Из машины отлично просматриваются подступы ко всем подъездам дома. Никто не может выйти со двора незамеченным. Разве только по веревке с четвертого этажа спуститься, с другой стороны дома.

Если бы Никита точно знал, что в этой машине сидят охотники по его душу, он бы, возможно, так и поступил. Но ему нужно еще во всем разобраться. А потом по полочкам разложить. Узнать, кто именно за ним охотится, выяснить расклад сил. И только после этого менять место обитания. Квартиру снять не трудно. Но не так просто узнать, как жить на новом месте. Или сидеть с поджатым хвостом. Или вынашивать какие-то планы...

Никита навел идеальный порядок в своей комнате. Умылся, наспех позавтракал на кухне. Предупредил родителей, что уходит. И начал одеваться. Джинсы, рубаха. Поверх нее натянул бронежилет, прочно закрепил его. Затем свитер, куртка, шапочка, ботинки. И еще пакет для продуктов. Туда он бросил для веса пару ненужных книг. Взял приготовленный к бою пистолет, сунул его в пакет, но не кинул, а оставил в руке. Этой же рукой взял пакет за врезные ручки. Спортивную сумку с поклажей забросил за спину, на левое плечо.

Все, можно выходить.

Он вышел во двор. Некоторое время постоял у фонаря. Сигарету прикурил. Выпустил клуб дыма и пошел к выходу со двора. Но не к тому, где стоял «Форд», а к пешеходному. К проходу между его и соседним домом.

Если за его подъездом наблюдали – он не мог остаться незамеченным. И точно. Краем глаза Никита увидел, как из машины вышли трое. И медленно двинулись за ним. Один сунул руку за борт теплой куртки. Началось...

Никита ускорил шаг, торопливо проскочил между домами. Преследователи зашагали быстрее.

Можно было двинуться к трамвайной остановке. Но Никита избрал другой путь. Полным ходом он направился к пустынному в этот час парку. Он даже не шел – он почти бежал. Будто понял, что за ним погоня. Будто пытался от нее уйти. Нет-нет испуганно оборачивался. И каждый раз видел за собой «хвост».

Небо становилось все светлей. Ночная тьма уже уступила место утренним сумеркам. Но редкие фонари вдоль аллеи еще не погасли.

Зато никак не была освещена дорожка, на которую свернул Никита. Он уже бежал. И преследователи также побежали. Никита спиной чувствовал – сейчас начнут стрелять. Место ведь совсем безлюдное.

Он перешел на спринт. И на полной скорости вбежал в полуразрушенный туалет и вжался в стену перегородки. Он слышал шум приближающихся шагов. А еще он услышал шорох упавшего пакета с книгами. В руке остался только «тотоша».

Последний раз он расстрелял сразу пятерых. Крутого мафиози. И четырех его телохранителей.

Давно это было. Сто лет назад. Хотя на самом деле прошло всего три дня...

Он уже, казалось, все забыл. Но приходится вспоминать все снова.

Главное – внезапность. Главное – опередить противника на один ход. Главное, победить...

Первый браток влетел в туалет слишком быстро. Его занесло на повороте. Но Никита помог ему остановиться. С безразличием во взгляде выстрелил ему в голову. И тут же притянул его к себе, чтобы выстрелить из-за него.

Второй браток схлопотал свинцовую пилюлю в сердце. Никита не хотел этого делать. Но...

Третий успел выхватить свою пушку. И даже почти направил ее на Никиту. Но Никита опережал его на долю секунды – вполне достаточно времени для выстрела. И браток это понял.

Краем глаза он видел, как укладываются на загаженный пол его корешки. Мозг успел проанализировать ситуацию, сделать вывод, что против него действует весьма серьезный противник. Поэтому он застыл как вкопанный, когда Никита приставил свой ствол к его груди. И даже перестал дышать. Пистолет вывалился из его руки сам собой.

Никита не торопился стрелять.

– Ба! Знакомые все морды!

Морда действительно знакомая. Тот самый браток, который вчера предъявил ему претензии.

– Ну чего молчишь? – спросил Никита.

А браток, похоже, не мог говорить. От страха его залихорадило, зуб на зуб не попадал. А язык, наверное, в горло провалился.

– За мной, козел, охотился?

Браток кивнул.

– Зачем?..

Тот пожал плечами. Но фальши в этом движении было более чем достаточно.

– Не знаешь, да?.. Ну ладно!

Никита дал понять, что сейчас нажмет на спусковой крючок.

Страх усилился, у братка подкосились ноги. Плечом он оперся о полуразрушенную стену – этим и удержал равновесие.

– Знаю... – выдавил он.

– Ну...

– Тут это, на тебя показали. Типа, это из-за тебя Рваного замочили...

– Рванный – это тот, который со шрамом?

– Ну да...

– Кто предъяву бросил?.. Ты?

– Не-е...

– Ты???

– Я не хотел...

– Ты не хотел, но так было нужно... Ладно, проехали.

Одним глазом через брешь в стене Никита отслеживал обстановку. Пока все было спокойно – только где-то вдалеке по аллее трусили любители утреннего бега. К туалету никто не подходил.

– У Рваного команда своя была. Или есть... Так?

– Да...

– Сколько пацанов?

– Да десятка два наберется...

– Чем промышляете? Рэкет?..

– Да «крышу» некоторым коммерсам держим. Но это не все...

– Что еще?

Браток был напуган до смерти. И готов был сдавать всех и вся без зазрения совести.

– Ну это, тачки... Тачками занимаемся...

– Автоугоны, значит... Кто сейчас за Рваного?

– Валек... Но он не за Рваного. Он за себя. Они вместе были...

– Вот этот Валек и замочил Рваного. А ты ему помог стрелки на меня перевести... Мочкануть бы тебя, гад!

– Может, не надо, а?..

– А это от тебя зависит... Где Валек тусуется?

– В смысле?..

– В каком кабаке найти его можно?

– А-а... Ну так это «Рубиновая звезда»...

В это время из кармана братка послышалась трель сотового телефона.

– Валек звонит? – спросил Никита.

– Он...

– Побазарить бы с ним надо... Давай базарь. Скажи, что все путем, повязали, типа, пацана... И смотри, хоть одно слово налево пустишь – все, хана тебе!

Браток часто закивал, вынул из кармана куртки мобильник, приложил его к уху.

– Да, Валек, все в цвет... Ага, у нас... Да, счас везем... Ну давай...

Его поведение Никите понравилось. Он одобрительно кивнул, забирая у него телефон.

– Куда везти?

– Ну, в «Звезду»...

– Где это?

Браток назвал адрес.

– Водила знает?

– Какой водила?

– А тот, который в тачке остался.

– Ну да...

– Давай звони ему, пусть к парку подъезжает. Мы сейчас вместе к нему выйдем.

Будто свежую кровь влили в жилы братку. Он ожил, бледность сошла с его щек. Понял, что ему дарят жизнь. А там он как-нибудь выкрутится.

Он связался с братком-водилой, велел подождать машину поближе к парку.

– Ну чо, пошли? – спросил он.

– Какой ты быстрый... А трупы?

В сортире были разбиты не только стены, но и пол. В одно «очко», пожалуй, мог бы даже влезть бегемот. Может быть, насчет бегемота Никита преувеличивал. Но два убитых братка влетели туда без проблем. Живой браток постарался.

Прежде чем утопить трупы в дерьме, Никита глянул на пистолеты. У одного был «наган», у второго затертый «ПМ». Скорее всего стволы «замазаны». Зато третий ствол ничего. Совсем еще новый на вид двадцатизарядный «стечкин» с полной обоймой.

– Кого мочил из него? – спросил у братка Никита.

– Да нет, только отстреляли пару дней назад...

– А сегодня меня мог замочить...

– Да нет, братуха, ты не понял, мы просто с тобой поговорить хотели...

– Понятное дело... Ладно, «наган» и «ПМ» в сортир выбрось. А «стечкин» я себе беру.

Браток подобрал с пола два пистолета и с ними подошел к раздолбленному «очку». Один за другим побросал в него стволы.

– А теперь глянь, твои кореша в дерьмо всосались? – потребовал Никита.

Тот не стал перечить. И низко наклонился над «очком».

– Ага, всосались, – исправно доложил он. – Не видно...

– Ну тогда пока...

Никита очень не хотел этого делать. И возможно, это не он, а кто-то другой нажал на спусковой крючок. Две пули одна за другой вгрызлись в тело братка. Тот покачнулся и замертво свалился в вонючую яму.

И этот всосался...

Никита осмотрел туалет. Нашел следы крови. Но это могли просто кому-то нос разбить. Особого значения никто не придаст. «ТТ» он сунул под куртку, за пояс брюк. «АПС» спрятал в сумку. Теперь можно уходить.

Из сортира он вышел с безразличным видом. И тут же мимо него туда прошмыгнул какой-то пан-спортмен. Никита остановился, достал сигарету, закурил. Дождался, когда мужик выйдет из сортира. Тот не проявлял никакого беспокойства – значит ничего странного в туалете не обнаружил. Отлично!

Темно-синий «Форд» стоял у решетчатых ворот парка. Никита спокойно подошел к нему, открыл водительскую дверцу.

– Э-э, ты чо! – Только сейчас браток за рулем почувствовал неладное.

Но было уже поздно. Ствол «ТТ» смотрел точнехонько ему в правый глаз.

– Дернешься – убью... – строго предупредил его Никита.

И открыл заднюю левую дверцу. Занял пустующее место. «Ствол» через спинку сиденья упер в спину водителю.

– Поехали?

– Куда?

– А куда надо ехать?.. Где нас Валек ждет?

– А-а, Валек... Я не знаю, где он нас ждет...

– Накажу за вранье.

– Но я не знаю...

– «Рубиновая звезда».

– Впервые слышу.

– Я же сказал, накажу за вранье...

– А-а, «Рубиновая звезда»... Ресторан?

– Ага, ресторан, – усмехнулся Никита.

Его скорее развлекали, чем раздражали жалкие попытки братка валять дурака.

К ресторану они ехали через весь город. И были возле него в десятом часу утра. Раннее время для ресторана. Но у входа стоят две иномарки. Джип «Чероки» и приличного вида «БМВ»-«семерка».

– На какой тачке Валек приехал? – спросил у водилы Никита.

И для убедительности щелкнул курком.

– На «Чероки», – выдавил из себя тот.

– И все?..

– И все...

– А если хорошо подумать?

– И «БМВ» тоже, – после некоторого раздумья выдал браток.

– А первый раз ты мне врал... Я же говорил, за вранье буду наказывать...

Он резко рубанул братка рукоятью в висок. Удар был смертельным. Что ж, тот сам виноват. Нечего было в бандитские игры играть...

Еще в дороге Никита достал из сумки накладную бороду, усы, натянул на себя патлатый парик, нацепил дурацкие солнцезащитные очки. И «ТТ» свой успел перезарядить. И «стечкин» проверил.

Он пересадил мертвеца на переднее пассажирское сиденье. Придал ему вид спящего человека, сумку положил ему на колени. А сам занял водительское место. Завел машину, въехал на задний двор ресторана. Никто не попытался его остановить. И на дверях черного хода не висел замок.

Никита без помех развернул машину капотом к выездным воротам. И только после этого вышел, забрал с собой пистолеты. У него большие карманы, «тотоша» с глушителем легко уместился в левом, «стечкин» в правом...

Он уже не сомневался в том, что у него возникли очень большие проблемы. Настолько большие, что вырвать их можно было только с корнем. Резко и решительно. А главное, быстро. Пока не выросли другие корни.

Никита узнал у покойного братка-водителя, как выглядит Валек. Чернявый амбал с продавленным лицом. Словно бы в раннем детстве в него попал мяч, смял нос, глазницы. И вмятина осталась навсегда...

Через подсобные помещения Никита прошел без проблем. По пути ему попались две женщины в белых халатах и мужчина в дрянной кожаной куртке. На него лишь удивленно посмотрели. Но никто даже слова не сказал.

Братки числом шесть сидели за столиком в центре ресторана. Никита не мог перепутать их со случайными посетителями. Он, как собака, бандитов определял на нюх.

Только среди них не было человека с приметами Валька.

Никита уже хотел повернуть назад, да было поздно.

– Эй, тебе чего? – впился в него напряженным взглядом один браток.

Другой опасливо покосился на его руки в карманах. Никита застыл как вкопанный. Ему сейчас нельзя было делать лишних движений.

– А где Валек? – спросил он.

– Валек?.. Валек будет чуть позже. А тебе он зачем?

– Да тут один человек хочет с ним поговорить...

– Какой человек?

– Ну, которого он не за хрен собачий обидел...

Странный вид, странные слова, руки в карманах. Все это наводило на определенные мысли. И неудивительно, что один браток вдруг резко сунул руку за борт куртки.

Никита вырвал из кармана «стечкин» – он был без глушителя и выходил легко. «Тотоша» вышел чуть с запозданием. Но к этому времени самый догадливый браток уже падал на стол с простреленной головой.

Стрельба по-македонски, с двух рук – этим искусством Никита владел прилично. И сейчас получил за свое мастерство оценку «отлично» с плюсом. Подтверждением тому шестеро братков, трупами которых он загрязнил ресторан...

Обратно Никита уходил черным ходом. Вялая ленивая походка – но при этом он двигался достаточно быстро. На пути ему попался официант. Тот в испуге выронил поднос, зачем-то задрал руки вверх.

– Дурак! – Никита саданул его под дых стволом «стечкина» и продолжил путь.

Машина стояла на месте. Мотор заведен, ворота открыты.

Никита забрался в салон, захлопнул за собой дверцу. Но прежде чем тронуться, без суеты выпихнул из машины тело водителя. Сумку, разумеется, оставил себе. Зато два использованных «ствола» послал за трупом вдогонку...

* * *

И снова добровольное изгнание. Опять съемная квартира. Но это куда лучше холодной тюремной камеры или сырой могилы. Да и квартирка ничего. Двухкомнатная, после ремонта, полный комплект старой, но вполне приличной мебели. Телевизор. Телефон.

Никита лежал на диване перед телевизором. На столике перед ним тарелка пельменей, две упаковки чипсов, бутылка пива. Между пальцами дымится сигарета.

Все внимание на экран телевизора. Повторяют вчерашний репортаж из ресторана «Рубиновая звезда». Перевернутый стол, шесть трупов возле него, эксперты с какими-то линейками, кисточками, видеооператор с камерой. И сегодняшний комментарий. Какой-то милицейский полковник.

– Личности убитых установлены. Это члены одной криминальной группировки, занимающейся кражей и сбытом автомобилей, в основном иностранного производства. Один убитый находился в розыске по подозрению в убийстве...

И вот его нашли, подумал Никита. Только, увы, привлечь по всей строгости закона не удастся.

– По оперативным данным известно, что банда, членами которой являлись убитые, – продолжал полковник, – отличается жестким и циничным подходом к делу. Автомобиль угонялся вместе с владельцем. Во всех случаях владельца жестоко избивали, а иногда дело заканчивалось летальным исходом... Есть основания предполагать, что кровавая бойня в «Рубиновой звезде» – это результат трений с конкурирующими бандами. Или даже сведение счетов главаря банды со своими подручными...

– Где сейчас находится главарь этой банды? – спросил тележурналист.

– У этой банды два главаря. Один из них был убит днем раньше. Киллер стрелял из автомобиля. Задержать его не удалось...

– А где находится второй? Хотелось бы знать, что этот «авторитетный» господин думает о происшедшем инциденте...

– Нам бы тоже хотелось это узнать. Но, к сожалению, местонахождение главаря банды неизвестно. Узнав о случившемся, он исчез. Ведется розыск...

– А каковы успехи в розыске убийцы?.. Насколько известно, убийцей был бородатый мужчина в очках...

– И, вероятно, в парике, – добавил полковник. – Ведется розыск...

– Телезрителям очень хотелось бы знать, насколько успешно он ведется.

– Я вас понимаю. Но, к сожалению, есть такое понятие, как тайна следствия...

Никита лишь усмехнулся. Тайна следствия – это одно. А унылый вид полковника – это другое. Если бы он был на верном пути, его глаза бы сияли. А он явно в заднице, и следствие туда же зашло. Отсюда и тоска.

Никита сработал чисто. Сбросил стволы, избавился от машины, сжег парик, бороду, усы, очки, перчатки. Мало того, он пожертвовал своей курткой и ботинками.

Куртка эта, разумеется, фигурировала в ментовских протоколах. А потом, на ней остались следы пороховых газов. Ботинками он натоптал в зале ресторана. Поэтому не дрогнула рука Никиты, когда сегодня ночью он сбрасывал это возле мусорных ящиков. Наверняка это добровольное жертвование уже оприходовали бомжи. Новую куртку и ботинки он купил еще вчера, сразу после того, как договорился с хозяйкой этой квартиры о цене и получил от нее ключи.

Менты его не найдут. Не в том направлении ищут. Они могут узнать, кто такой Никита Брат, свидетель убийства бандита по кличке Рваный. Но Рваного убил неизвестный киллер. Никита здесь точно ни при чем. И расстрел в «Рубиновой звезде» – дело рук того же самого киллера или его заказчика. Никита как будто снова ни при чем.

Из телепередачи Никита понял, что менты пока не знают о трех сортирных трупах.

И еще один важный вывод. Главарь банды по кличке Валек куда-то слинял. Знает падла, что у него рыльце в пушку. Предоставил ментам право распутывать убийство. А сам куда-то потерялся. Чтобы не попасть под горячую ментовскую руку.

Если Никиту не обманули, в банде было около двух десятков братков. Первый десяток уже «снят с довольствия». Никита постарался, еще двое на счету неизвестного киллера, бесспорного мастера пулевой стрельбы. Итого осталось не более десятка.

Валек сделал правильно, что слинял. Но это и его ошибка. Теперь менты как пить дать навешают на него всех собак. И расследование череды убийств будет нацелено на его банду.

Этот Валек будет скрываться, уходить от ментов. И можно не сомневаться, он и думать забудет о каком-то там Никите со странной фамилией Брат. Словом, бояться Никите нечего. Но все равно хотя бы пару недель он должен отсидеться в этой квартире. Береженого бог бережет.

Теперь надо узнать, как поживают его родители... Никита потянулся к телефону. Через пять минут он уже знал, что с его родителями все в порядке и в течение последних двух дней их абсолютно никто не беспокоил.

Глава 2

Она стояла возле магазина. Милая, красивая девушка с ослепительно белыми волосами и большими синими глазами. Никита не сразу понял, что она красивая. Но его уже охватила непрощенная нежность. Охватила, когда он увидел, с каким страданием она смотрит на россыпь апельсинов. Они лежали у нее под ногами. А она была так растеряна и даже напугана, что ничего не могла предпринять. Просто стояла над ними и хлопала глазами.

Бумажный пакет апельсинов выпал из рук девушки у него на глазах. Он тоже видел, как они падают на землю. Но не видел, как они мячиками раскатываются в разные стороны. Он как замороженный смотрел на девушку, на это хрупкое существо. Первого взгляда хватило, чтобы душу захлестнула непонятная нежность.

Наконец она оторвала свой взгляд от земли и посмотрела на него.

– Извините, – робко и застенчиво улыбнулась она. – Я не хотела, так вышло...

– Извините, что я такой глупый, – спохватился Никита.

И наклонился к земле, начал собирать апельсины. Зато девушка продолжала стоять. Он чувствовал спиной ее взгляд. Может, у нее проблемы с позвоночником, может, ей трудно наклоняться?.. Но нет, последние три апельсина она подобрала сама.

Никита набил плодами свой собственный пустой пакет. И протянул его девушке.

– Вот, пожалуйста, теперь не рассыплется...

– Спасибо... – Она потянулась к пакету.

Но Никита отдернул руки. Вовремя сообразил, что пакет слишком тяжелый для такого хрупкого существа, как она.

– Вы как хотите, но я должен помочь вам, – решил он.

И улыбнулся ей. Никогда не думал, что в нем может быть столько нежности. Глядя на милую незнакомку, он ощутил вдруг непреодолимое желание заботиться о ней. Эх, эта необходимость соблюдать приличия. Иначе бы он с удовольствием подхватил ее на руки и понес хоть на край света.

Похоже, она поняла его душевный порыв. И ее бледное хорошенькое личико стало вдруг розовым. В глазах появилась теплота.

– Вы знаете, я живу далеко... Но вы можете помочь мне донести пакет до машины.

Вот как, значит: она на машине...

– Ваша машина? – неожиданно для себя разволновался Никита.

– Да...

– Или мужа?..

Теперь он и сам понял причину своего волнения. Он вдруг испугался, что эта красавица замужем.

Что это с ним?

– Я не замужем, – застенчиво улыбнулась она. – Я одна...

– Я тоже один, – сорвалось у него с языка. И, чтобы сгладить неловкость, он спросил: – А где ваша машина?

– Вот...

Девушка показала на белую «восьмерку». Новая машина, внутри еще не выветрился запах пластика и кожзаменителя. Никита вдохнул его полной грудью, поставил пакет на сиденье. Незнакомка уже сидела за рулем. Руку она держала в дамской сумочке, которая висела у нее на плече. Наверное, ключи нащупывала...

Только она о чем-то думала, прежде чем их достать. И при этом внимательно смотрела на Никиту. Словно хотела разобраться в нем. Хороший он человек или так себе...

И Никита смотрел на нее. Его не интересовали духовные качества этой красавицы. Он просто был уверен, что она самая лучшая. Он смотрел на нее и восхищался. На лице улыбка, в глазах восторг.

– Я пошел? – робко и с явным нежеланием уходить спросил он.

– Да... До свидания, – как будто опомнилась она. – Спасибо вам...

– Не за что...

Со скорбным выражением на лице Никита начал закрывать дверцу. И вдруг счастливо спохватился.

– Да, извините, я не спросил, как вас зовут...

– Роза.

– Какое чудесное имя...

– А вас?

Похоже, Роза не очень хотела избавиться от него.

– Никита... Можно просто Ник.

– Хорошо, Ник, буду знать.

– Роза, а вы далеко живете?

– Далеко.

– В большом доме?

– В большом... А зачем вам это?

– Ну, я хотел бы знать, вам подниматься на лифте или пешком?..

– Вообще-то я живу высоко, на предпоследнем этаже. Но у нас лифт... А вы никак хотите мне помочь?..

– Знаете, я бы всю жизнь только и делал, что помогал вам.

– Звучит очень романтично, – застенчиво улыбнулась она.

– Может, попробуем?..

Она задумалась. И после паузы кивнула.

– Давайте попробуем...

Никита с удовольствием внес свое тело в ее машину.

Всю дорогу он порол всякую лирическую чушь. И чувствовал себя полным идиотом. Но ему было все равно. Единственное, чего он сейчас боялся больше всего на свете, – это потерять Розу.

Он не помнил, как они подъехали к ее подъезду. Вряд ли он смог бы узнать двор этого дома. В кабине лифта он видел только одно – неземной красоты глаза Розы. Он утопал в них.

Все, что происходило с ним дальше, он помнил кусками, обрывками. И все в самых радужных красках.

Роза привела его в свою квартиру, усадила в гостиной, приготовила кофе. Они сидели на диване, пили ароматный напиток. Он говорил ей что-то красивое, романтическое. Она завороченно слушала его, на ее щеках играл румянец. В один прекрасный момент Никита вдруг понял, что он говорит стихами. Что-то про чудное мгновенье, Пушкин из школьной программы. Роза слушала его, в ее глазах горел огонь. Им было хорошо вместе. И как-то само собой получилось, что ее маленькая теплая ладошка оказалась в его руке...

Время летело незаметно. Никита и опомниться не успел, как наступил вечер, а затем ночь. А он все продолжал сидеть на диване за чашкой кофе, который давным-давно остыл.

И есть ему хотелось. Только этого он будто и не замечал.

– Я, наверное, пойду...

Ему пришлось приложить значительное усилие, чтобы вырвать себя из этого счастливого сна наяву.

– Да, уже поздно...

И Роза, казалось, тоже опомнилась. Ее красивые глаза перестали светиться, подернулись печалью. Она не хотела, чтобы он уходил.

– Одиннадцать пятнадцать, – заметил Никита.

– Так поздно? – встрепелась она.

И удивленно посмотрела на пустой столик.

– Никита, вы очень страшный человек...

– Почему?

– Вы кот Баюн, вот вы кто. Все, молчите! – Она поднялась, закрыла глаза и вытянула вперед руку, ладошкой закрылась от него. – Сейчас вы меня снова заговорите... Я буду слушать вас. А вы будете говорить и думать, будто я плохая хозяйка...

– Что за вздор?

– Это не вздор... Уже скоро полночь, а мы с обеда во рту маковой росинки не держали...

Точно, с самого обеда. Это ж надо, больше четверти суток он у нее в гостях. И это время пролетело для него как один миг.

– Вы, Никита, остаесь у меня. Я постелю вам в гостиной... Но это будет потом. А сейчас вы можете посмотреть телевизор. А я пока на стол что-нибудь приготовлю...

Роза исчезла на кухне. Никита остался в гостиной. И только сейчас обратил внимание на обстановку. Дорогие обои, новая мягкая мебель, гарнитурная стенка. Видеодвойка «Панасоник».

Роза собирается постелить ему здесь. Значит, есть еще комната. Спальня. Никита, пожалуй, не прочь был бы попасть туда... Хотя... Он вдруг поймал себя на мысли, что секс – это не основное, что он хотел бы от Розы. Эта девушка сводила его с ума своей ангельской чистотой... Теперь он понимал, что такое платоническая любовь...

Появилась Роза. В руке у нее чистое полотенце. На лице милая застенчивая улыбка.

– Никита, ужин будет скоро готов. А сейчас, если желаете, можете принять душ...

Никита желал. И скоро наслаждался теплом упругих струй. А потом Роза тоже принимала душ. И Никите пришлось хозяйничать на кухне. Он перехватил эстафету у хозяйки, с успехом справился с заданием – дотушил кролика.

После душа Роза некоторое время хлопотала в своей спальне. А потом вышла к Никите.

Он с трудом сдержал удивление. Роза уже не была ослепительной блондинкой с длинными вьющимися волосами. Темно-русые волосы, стрижка «каре». И косметика на лице была уложена по-другому. Внешне она изменилась. Но это была все та же Роза, милая, нежная, трогательно-застенчивая...

– Ты удивлен? – скорее утверждая, чем спрашивая, сказала она.

– Признаться, да...

– Это мои настоящие волосы, а то был парик.

– Я так и понял.

– Ничего ты не понял... Я учусь в театральном, сегодня у меня день перевоплощения...

– Что-то вроде репетиции?..

– Да, пожалуй, так...

– Только ты не очень изменилась. Такая же милая...

– Да?.. Ты так думаешь?

Она близко подступила к нему. Никиту окутал дурманящий запах ее свежего тела и духов.

– Ты самая-самая...

Будто где-то в голове клемму у него перемкнуло. Он нежно взял ее за плечи, привлек к себе. И почувствовал встречное движение. Роза тянулась к нему, как цветок к солнцу...

Пьяный от любви, Никита приблизился к ее губам. Но в самый последний момент Роза повернула голову, и его губы ткнулись в ее нежную щечку.

– Мы, кажется, собирались накрыть стол...

Похоже было, ей приходится делать над собой усилие, чтобы отстраниться от него. И Никите пришлось сдержаться.

Он стойко вытерпел целый час.

Вместе они накрыли стол в гостиной. Фирменное блюдо, сырокопченая колбаска, тонкие ломтики вяленой осетрины, красная икра в хрустальной вазочке. Ну и, конечно, апельсины. Не обошлось и без шампанского. Только Никите было не до еды. Все внимание Розе. И пьяный он был без вина.

Роза тоже почти не ела. Зато шампанское шло хорошо. Они легко и быстро прикончили целую бутылку.

– Я никогда так много не пила, – задыхаясь будто от какой-то истомы, сказала Роза.

И опустила голову на плечо Никиты. Глаза ее были полузакрыты, сочные губы просили поцелуя.

И снова страсть одолела Никиту. Он наклонился к ней. И впился в ее губы.

Роза ответила ему. Но целовалась она неумело. Словно впервые в жизни...

В какой-то момент Никита подхватил Розу на руки и понес ее в спальню. Она не возражала. И с покорностью рабыни лежала на его сильных руках. Глаза ее были закрыты, губы беззвучно шевелились, будто ждали поцелуя...

Никита уложил ее на постель. Роза была целиком в его власти. Он мог делать с ней все, что угодно. Только он не торопился воспользоваться своей победой. Он шел к цели очень-очень медленно, нежно и ласково. Ему казалось кощунством овладеть этой невинной красотой быстро и нахально.

Прошло два-три часа, прежде чем он решил, что пора овладеть ею. Но в самый последний момент Роза чего-то испугалась. И очень робко попыталась отстраниться от него. Но по-прежнему она была в плену наслаждения. А Никита мог бы не заметить ее волнения и легко войти в нее.

Но он все заметил и все понял. Роза хотела быть с ним. Но чего-то боялась. И, возможно, завтра она будет винить себя за то, что сдалась...

Никита продолжал ласкать ее. Но уже без попыток вторжения. И скоро понял, что Роза очень благодарна ему. Он поступил так, как должен был поступить в этом случае настоящий мужчина...

Заснули они под утро, в ее постели. Никита так и не овладел ею до конца. Но гордость его не была ущемлена. Напротив, он еще больше поднялся в собственных глазах...

* * *

Никиту разбудил приглушенный голос Розы. Она разговаривала с кем-то. Или в гостиной, или на кухне.

Спать хотелось жуть как. И немудрено – только половина восьмого утра.

Никита перевернулся на бок. Закрыв глаза. Но спать что-то мешало. Он невольно прислушивался к разговору.

– Ты же понимаешь, это нужно закончить как можно скорее, – говорила какая-то женщина.

По голосу далеко не старуха.

– Понимаю, – отвечала Роза.

– Ну так в чем же дело?..

Потянулась пауза.

– Я все сделаю, – послышался наконец голос Розы. – В самое ближайшее время...

Никите почему-то показалось, что она вот-вот заплачет.

– Сделай, пожалуйста! – При всей своей мягкости, голос неведомой собеседницы звучал непреклонно и требовательно. – И как можно скорей... Мы не можем подводить людей...

– А если этих людей уже нет?..

– Не важно. Мы должны это сделать. И мы это сделаем... Как у тебя дела в институте?

– Да так, ничего...

– Ну все, извини, мне уже пора...

Незнакомая гостья ушла. Через некоторое время в комнату вошла Роза. Никита уже лежал на животе, лицом в подушку, будто спал. Ничего страшного он не услышал. Но неприлично подслушивать чужие разговоры. И пусть Роза думает, что он спит, а потому ничего не мог слышать.

Несколько минут Роза стояла возле дверей. Ее не было слышно. Потом вдруг она тяжело вздохнула. Даже всхлипнула. Подошла к постели, легла. И прижалась к Никите. Тело ее колотило дрожь. Он повернулся к ней, обнял. Коснулся губами ее глаз. И почувствовал сырость.

Роза плакала.

* * *

– Как у вас дела, мама?

– Все хорошо, сынок...

Если бы мама сказала «все в порядке, сынок», Никита бы встревожился. Так она могла сказать только в том случае, если бы ее захватили бандиты.

– Вот и замечательно. Я скоро буду, жди...

Никита положил трубку, облегченно вздохнул.

У него все хорошо, никто его не ищет. И у родителей все нормально.

Сегодня он принимает гостью в своей квартире. Он на этом настоял, а Роза не возражала.

Он приготовил праздничный ужин, накрыл на стол. А вот появилась Роза. Красивая до изнеможения, хрупкая, милая. Никиту душила нежность, когда он смотрел на нее. Ему хотелось подхватить ее на руки, оторвать от пола, прижать к себе и целовать, целовать...

Они ужинали, разговаривали о пустяках. А потом случилось то, что и должно было случиться. Он унес ее к себе в спальню, мягко уложил на постель.

А еще он поставил на тумбочку возле кровати початую бутылку шампанского. Рядом встали два фужера, он наполнил их. Но выпить не смог. Припал губами к Розе, как вампир присосался к ним...

Он продвигался вперед очень нежно, трепетно, боялся допустить едва ощутимую грубость. Он говорил Розе красивые слова. Но в любви не признавался, хотя любил ее. Признание в любви сейчас могло выглядеть фальшью, всего лишь способом достижения цели...

И в этот раз Роза слегка трепыхнулась, когда он готов был войти в нее. Легчайший нажим, и ее сопротивление будет сломлено. Но Никита остановился. А зачем спешить? Ведь у них с Розой впереди целая жизнь...

Он снова ласкал и нежил ее, снова убаюкивал ее красивыми словами. Но запретный плод не тронул – не смог.

Розе было хорошо. Счастливая улыбка, блаженство в глазах. А потом она вдруг заплакала. Легла на живот, обхватила голову руками и заплакала.

– Что с тобой, милая? – тихо и удивленно спросил Никита.

Роза не ответила. Только еще сильнее разрыдалась.

– Может, я тебя чем-то обидел?..

Она отрицательно замотала головой. И продолжала плакать.

Никита пожал плечами и потянулся к бокалу с шампанским. Взял его в руки. И посмотрел на второй. Может, Роза присоединится к нему?..

– Хочешь шампанского? – спросил он.

Она снова мотнула головой. А потом вдруг затихла. И резко вскочила. В ее глазах непонимание и какой-то безумный страх.

– Оставь! – Она взмахнула рукой.

Никогда бы не подумал Никита, что ее тонкая как тростинка рука может быть такой сильной. Будто ментовской дубинкой-«демократизатором» его хлестнуло. Бокал с шампанским вылетел из его руки, упал на ковер, но не разбился. Вокруг образовалось мокрое пятно.

– Зачем? – непонимающе посмотрел на нее Никита.

– Не надо, – успокаиваясь, едва ли не шепотом сказала Роза.

– Что не надо?

– Не люблю... Не люблю, когда пьют в постели...

А она, оказывается, девушка с норовом. Может, это и хорошо.

– И вообще...

– Что вообще?

– Я не хочу, чтобы ты пил вообще...

– Может, шампанское вызывает у тебя неприятные ассоциации?..

– Да, – кивнула она. – А потом, я тебя люблю...

Она застенчиво улыбнулась и прильнула к нему. Никиту захлестнула волна желания...

В этот раз она сама помогла ему. И он без всяких колебаний вошел в нее. Там у нее было тесно, как у девственницы. Но крови не было... Розе было хорошо, но к этому добавилась и боль. Никита немедленно оставил ее. И осыпал нежными ласками...

Роза заснула у него на груди. Счастливая, умиротворенная улыбка не сходила с ее уст. Никита с упоением вдыхал чарующий запах ее волос. И чувствовал себя на вершине блаженства...

Он уже засыпал, когда вдруг услышал подозрительный скрип. Как будто открылась входная дверь. Этого не могло быть... Но можно допустить, если вспомнить, что дверь самая обыкновенная и замок незамысловатый...

Никита слетел с постели и метнулся в коридор. И точно, дверь открыта. А в дверном проеме человеческая тень. Это вор. Никита в движении принял боксерскую стойку. Но ударить не успел. Тяжелый кулак вылетел из гостиной, ударил его сбоку по голове. Он потерял равновесие. И тут еще человек у входа ударил его ногой в живот. А тот, который был в гостиной, протаранил его всей тяжестью своего тела, вмял в стену.

На него навалились как минимум три человека. Скрутили его. Втащили в гостиную. В лунном свете блеснул металл. Никита подумал, что это нож. Но это были браслеты наручников. Их было две пары. По каждой на одну руку. Никиту распяли на батарее центрального отопления. Вспыхнул свет. И он увидел мерзкое лицо Валька.

Да, это был тот самый бандит. Никита никогда не видел его. Но по одному описанию его невозможно было не узнать. Образина с продавленной мордой. Такой урод – редчайший экземпляр.

За ним стояли еще два мордоворота. Хлопнула входная дверь, но в комнате больше никто не появился. Кто-то прошел по коридору, открыл дверь в спальню. Затем все стихло.

Валек подошел к Никите. Пнул его носком в подбородок. И злорадно усмехнулся.

– Ну вот, козляра, и повидались...

– Как ты меня нашел?..

– А ты думал, я лох, да?.. Не сообразил, что телефон твоих предков можно на прослушку поставить. А там и твой телефон вычислить...

Никита досадливо поморщился. Никак не мог он помыслить, что этот урод в состоянии будет провернуть подобное.

– Думаешь, самый умный, да?.. Думаешь, если пацанов моих завалил, значит, самый умный...

– Чешуя все это. Никого я не валил...

– Ну да, это ты ментам скажи. Они поверят. А я нет... Я вычислил тебя, козел. Не надо было на моем «Форде» к кабаку подъезжать да Костяка в висок мочить...

Никита промолчал. А чего говорить?.. Он полностью во власти этого уroda. И это не тот суд, где принимаются во внимание оправдания.

– Эй, Батон, – Валек повернулся к одному своему спутнику. – Чего там Чубика не видно?..

– И не слышно, – гнусно скривился тот, кого назвали Батоном. И кивнул на Никиту: – Наверно, бабу его харит...

Никиту передернуло. Он представил, как какой-то хмырь по кличке Чубик навалился на нежную, хрупкую Розу... Он даже застонал в приступе бессильной ярости.

– Сходи посмотри, – велел Батону Валек.

– А если что, можно и я ей вдую?..

– Можно, – великодушно разрешил Валек. – Всем можно... Но сначала по очереди...

Он совсем близко подошел к Никите, обхватил своей лапой его лицо, приподнял голову, заглянул ему в глаза.

– Сначала твою бабу будем по очереди харить. Потом на хор поставим. А ты будешь смотреть...

– А может, и его узлами накормим? – гадко усмехнулся мордovorот за спиной Валька.

Он внаглую уселся за накрытый стол. Нанизал на вилку котлету.

Батон ушел. Теперь он остался при Вальке один.

– А что, можно, – осклабился Валек. – Мы накормим, а потом братва на хате его в петушиный угол загонит... – И метнул в Никиту злорадный взгляд. – Ты хоть знаешь, козел, что я тебя ментам сдам?.. Но сначала ты расскажешь мне все как на духу, как ты пацанов моих мочил. Расскажешь, кто Рваного замочил... А я все на пленочку запишу...

– Он не знает, кто Рваного убил...

Никиту едва не парализовало от неожиданности, когда он услышал эти слова. Это говорила Роза. Он видел ее. Белые джинсы, свитерок, волосы аккуратно уложены. Взгляд холодный, строгий. Одну руку не видно, она прячет ее за спиной.

Валек резко развернулся, вытаращил на нее глаза.

– А где Батон, Чубик? – будто своего дружка спросил.

Но ответила Роза.

– Они раздеваются. – Она была потрясающе спокойна. – Мы же решили групповуху устроить... И ты раздевайся...

Никита ужаснулся. О чем это она говорит?

– Да без проблем... – Валек тоже принял все за чистую монету. – Слушай, киска, я тебя где-то уже видел...

– И я тебя тоже... Ты мне уже три года каждую ночь снишься. И твой дружок тоже... Рваный. Это я сейчас узнала, как его зовут. А как тебя, до сих пор и не знаю. Ведь вы тогда мне не представились...

– Когда тогда?

– Три года назад. Вы втроем через наш городок проезжали. Вишневая «девятка». Раннее утро. Девчонка в красивом платье со школьного бала возвращалась... Ну что, вспомнил?..

– Ага, вспомнил... Помню, как мы тебя втроем харили. Это был кайф. Да и тебе понравилось...

– Очень... Рваного я уже отблагодарила...

– Не понял...

– А чего тут понимать... – Роза равнодушно пожала плечами.

И полностью вошла в комнату. Никита не успел и моргнуть, как она вывела из-за спины руку, а в ней – пистолет. Его она направила на подручного Валька. И тут же раздался едва слышный выстрел. Пуля попала бандиту точно в сердце, образовала в нем дырочку. Тот закатил глаза и беззвучно завалился на диван. Так и не успел бедняга съесть свою котлету...

Никита был потрясен. Никогда бы не мог подумать, что Роза, такое хрупкое существо, умеет стрелять вообще. А тут она выстрелила не целясь. И продемонстрировала потрясающую меткость. Но этого мало. Ее невероятное хладнокровие потрясло воображение.

Мгновение, и пистолет направлен на Валька. Того залихорадило. Никита мог видеть, как вздрагивает его спина. Ему даже показалось, что он слышит стук его зубов.

– Теперь твоя очередь, – сказала Роза.

Ни единой эмоции на ее лице.

– Не... Ну... – задергался Валек.

Колени его подкосились. Он едва не осел на пол.

– Тебе пора. Рванный тебя заждался...

– Давай... Давай договоримся...

– О чем?..

– Я тебе бабок дам. Много бабок...

– Мне твои грязные деньги не нужны. Но мне нужен третий...

– Какой третий?

– Тот, который был тогда за рулем... Ты понял, о ком я говорю?

– Да, да... Это Егор, Егерь...

– Как его найти?..

– Он не с нами. Он сам по себе...

– А именно?

– У него своя команда. Крутая команда...

– Это не ответ.

– Он где-то здесь, в столице. Где конкретно, не скажу, не знаю...

– Чем он занимается?

– Чисто наркота. Героин, кокаин...

– Как его найти?

– Я же говорю, не знаю... Но можно поспрашивать. Егор Кучин, кликуха Егерь... Давай мы вместе до него доберемся...

– Ты не будешь помогать мне. Ты избавишься от меня при удобном случае... И знаешь как?

– Не, ну ты чо...

– Ты избавишься от меня, – повторила Роза, – вот так!..

Пистолет беззвучно дернулся в ее руке. На этот раз колени Валька подкосились основательно. Сначала он сложился в коленях, затем в поясе и рухнул на пол. И на этот раз она попала точно в сердце.

Роза опустила руку с пистолетом, посмотрела на Никиту. И на нее нахлынули эмоции. Ее глаза наполнились слезами и страданием, губы задрожали. Она выронила пистолет и робко подошла к Никите. Опустилась перед ним на колени. Обняла его, прижалась головой к его груди. Она будто забыла, что он прикован к батарее. Будто не понимала, что его нужно освободить от наручников.

Любовь, трепетная нежность – эти чувства заполняли душу Никиты. И в то же время он был ошеломлен ее поведением. Роза казалась ему ангелом, верхом совершенства. И вдруг она так хладнокровно расправляется с четырьмя бандитами. Все так легко и просто. Наверняка она убивала не впервые... Но ведь и Никита далеко не святой...

– Спасибо тебе, – сказал он.

– За что?..

– Ты спасла меня...

Он не должен ее ни в чем винить. Только благодарить.

– Так получилось...

– Я тебя очень люблю...

– Я тебя тоже...

Только сейчас Никита понял, что это их первое объяснение в любви... Наверное, надо прижать Розу к себе. Но руки скованы.

– Ты, кажется, что-то забыла... Или тебе нравится, когда я в таком положении?..

– Ах да...

Роза без особой брезгливости обыскала Валька. Затем его подручного. Нашла ключики от наручников. Освободила Никиту.

И снова прижалась к нему. Словно искала на его груди защиты от этого страшного мира, в котором им обоим приходилось жить.

– Откуда у тебя пистолет? – наконец-то решился спросить Никита.

– Из моей сумки. А она случайно оказалась в спальне...

– Случайно?

– Вообще-то у меня было нехорошее предчувствие. У меня кошачья чувствительность...

– А это сейчас модно – носить в сумочках пистолеты. К тому же не дамские...

– Это «ПСС», бесшумный пистолет специального назначения...

– Редкая вещь.

– Редкая...

– Откуда он у тебя?..

– Так надо...

– Ты не хочешь говорить?..

– Ты и сам все должен был понять... Это случилось три года назад. Рваный и этот поддон, – показала она на Валька, – а с ним еще один гад... Они изнасиловали меня. Я тогда только школу закончила. Возвращалась домой... А они... Они, – всхлипнула Роза, – они затащили меня в машину. Они изнасиловали меня. Это было ужасно... Я не могу об этом вспоминать...

Роза снова стала маленькой беззащитной девочкой. Не в силах больше говорить, она разрыдалась. Залила Никите грудь слезами.

– Роза, милая, – нежно провел он ладонью по ее спине. – Я не Роза, – сквозь рыдания донесся ее голос. – Меня зовут Марга...

Глава 3

Люба, родная сестра, очень жалела Марту. В ее глазах стояла боль, когда она на нее смотрела. Но слова жалости были только в первый день, когда та приехала к ней. Они тогда плакали на пару. А потом Люба достала из холодильника бутылку водки, нарезала колбаски, огурчиков. Налила Марте полный стакан водки, заставила выпить. Марта сильно опьянела, легла на кушетку, свернулась калачиком и заснула. Это была первая ночь, когда ей не снились омерзительные физиономии насильников.

Весь следующий день Люба где-то пропадала. И Анки не было. Анка – это ее подруга, с которой она вместе снимала однокомнатную квартиру в подмосковном городишке. Весь день Марта просидела дома одна.

Зато утром следующего дня Марту изнасиловали. Нет, не в прямом, а в переносном смысле. Люба и Анка будто сговорились. Они вместе набросились на нее. Силой сорвали с постели, потянули в душ, поставили под ледяные струи. А потом долго-долго растирали ее окоченевшее тело спиртом.

Но это было только начало. Ее вытащили в парк, по морозу заставили бегать по залеженным дорожкам. Потом гимнастика под сводами огромной чугунной беседки в том же парке.

Люба и Анка знали толк в своем деле. Как-никак без пяти минут спортивные инструктора. Они взялись за Марту всерьез. Утренняя гимнастика, бег, холодный душ, ежедневные упражнения на силу и выносливость. Никакие отговорки в расчет не принимались. И Марте приходилось напрягать все свои силы, чтобы справляться с заданием. С каждым днем нагрузка увеличивалась...

Марта могла бы избавиться от спортивной опеки. Но только одной ценой – уехать обратно домой. Но она бы ни за что этого не сделала. Во-первых, родной город всегда будет напоминать ей о трагедии. А во-вторых, втайне она даже была рада, что Люба заставляет ее жить в экстремальном режиме, не дает ей никакого передыха. В ритме постоянных физических нагрузок она будто забывала о насильниках. Да и организм ее креп день ото дня. А ведь она была такой слабенькой...

Через месяц Марта стала ездить в Москву вместе с Любой и Анкой. Два часа на электричке, Ярославский вокзал. А потом на метро кто куда. Сестра и ее подруга в свой институт, а Марта на подготовительные курсы. Ее все-таки приняли туда. И все Люба. Она была знакома с одним деятелем искусств. Мужчина не первой молодости. Но вроде ничего из себя. Впрочем, Марту он совершенно не волновал. После всего, что случилось с ней, мужчины перестали существовать для нее.

Давид Исаевич преподавал на курсах. Марта относилась к нему лишь с сухой благодарностью за то, что он помог ей. Зато он, похоже, положил на нее глаз.

– А вы очень прелестны, дитя мое, – как-то сказал он.

И прошелся по ней масляным взглядом. Марту передернуло. Он сразу стал ей неприятен до омерзения.

– Я вам не дитя...

Ее неприязнь отразилась в этой фразе.

– Марта, мы же с вами культурные люди, – надменно произнес он. – И для нас «дитя мое» не имеет предосудительного оттенка...

Он понес какую-то интеллектуальную чушь. Марта слушала его вполуха. А мысленно посылая его куда подальше. И не только мысленно.

– Идите вы к черту!..

Ну не выдержала она, когда Давид Исаевич словно невзначай положил руку ей на талию.

На всех она производила впечатление тихой, застенчивой девушки с периферии. В сущности, так оно и есть. Но это же вовсе не значит, что с ней можно так вольно обращаться.

– Фи, как некультурно, – сморщился он.

– Зато так говорят в народе. Вы же сами говорили, что театральное искусство питает свои корни в народной среде...

Давид Исаевич внимательно посмотрел на нее. Мысленно сделал какой-то вывод. Покачал головой.

– А вы, Марта, не так просты, как кажется...

– А простушки, Давид Исаевич, дома сидят...

Она эффектно отвернулась от него, грациозной походкой зашагала по длинному коридору. И все время, пока оставалась в поле его зрения, чувствовала на своей спине его восхищенный взгляд.

Марта старательно посещала курсы, числилась у преподавателей на хорошем счету. Только никакого морального удовлетворения ей это не доставляло. Охладела она к театру. Не было того вдохновения, которое толкало ее в Москву на актерское поприще не далее как год назад. И все из-за этих трех негодяев. Эти мерзавцы отравили ей жизнь...

Физические нагрузки, занятия на курсах уже перестали давать анестезирующий эффект. Все чаще Марта уходила в себя, давала волю своим переживаниям. Она ненавидела негодяев-насилльников и мысленно призывала на их голову божью кару.

– Марта, перестань киснуть! – одергивала ее Люба. – Перестань киснуть, иначе прокиснешь...

– И кому ты будешь тогда нужна? – вторила ей Анка.

Обе крепкие, выносливые. Настоящие спортсменки. Когда-то они всерьез занимались спортивным многоборьем. Но продержались в большом спорте только до двадцати лет. На большее их не хватило. Сейчас они также занимались спортом, не менее серьезно, чем раньше. Но как будто больше для себя, чем для кого-то...

– А я и сейчас никому не нужна, – всхлипывала Марта.

– Глупая! Ты мне нужна, – говорила Люба.

– И мне, – добавляла Анка.

И стоило Марте еще раз хлопнуть носом после подобного объяснения, Люба немедленно объявляла внеплановый кросс. И не отказаться...

А летом Марта провалилась на вступительных экзаменах.

Дома она плакала навзрыд.

– Они... Она... Им не понравились мои зубы, – ревела Марта.

Весь верхний ряд передних зубов у нее был сплошь золотой. И все из-за этих подонков-насилльников.

– Я их ненавижу! Ненавижу!.. Я бы убила их...

Если честно, ее зубы были ни при чем. Марта не смогла выдержать конкурс из-за того, что играла без вдохновения. Просто отработывала свой номер. А не заметить этого мог разве что слепой.

Но она справедливо обвиняла во всех своих неудачах трех негодяев. Ведь это они сломали ее внутренний стержень.

– А тебе что, стало бы от этого легче? – неожиданно всерьез спросила Анка.

– Если бы я их убила?..

– Да...

– Да, мне стало бы от этого легче...

А может, и в самом деле месть смогла бы хоть как-то залечить страшную душевную рану?

Она знала, что розыск преступников никакого результата не принес. Или их искали спустя рукава, или они просто навсегда исчезли из городка. – Марта, я знаю, тебе сейчас тяжело. Но есть только одно средство тебя успокоить...

Люба показала на кроссовки в углу комнаты.

– Да ну, – покачала головой Анка. – Я знаю другой способ...

Через полчаса они уже тряслись в электричке. Но до вокзала не доехали. Сошли на окраине столицы. Сели на автобус, который привез их к какому-то зданию с огромным подвалом. Марта оказалась в этом подвале.

Навстречу им вышел средних лет мужчина с коричневым от загара лицом и длинными мускулистыми руками.

– Девчата, сегодня же воскресенье... – сказал он.

– Да ладно, Митрич, чего уж там... – махнула рукой Анка. – Не ворчи, лучше гостей принимай.

– Да уж куда от вас денешься...

Митрич простежки подмигнул Марте. Этим он выразил ей свою симпатию.

– Мы тебе водочки принесли, – сказала Люба.

И многозначительно хлопнула по пакету в руках.

– Ну, так с этого бы и начинали! – засиял Митрич. – Вы сами или как?

– Да уж как-нибудь сами справимся.

– Вам что, боевое или спортивное?

– Пока спортивное, – сказала Анка.

Скоро Марта поняла, о чем разговор. Оказывается, она попала в тир. А Митрич – это и сторож, и огневой инструктор в одном лице. Этот тир был его домом.

Он ввел девушек в длинный прохладный зал, включил свет. Марта увидела в противоположном конце ряды мишеней. А потом появился пистолет.

– Это спортивный мелкокалиберный «марголин», – пояснила Анка.

Она подвела ее к кабинке из фанеры, высота которой едва доставала до пояса.

– А вот это место, откуда ты будешь стрелять... А это, – она показала вдаль, – мишени. Их нужно поразить...

Анка объяснила ей, как и что нужно сделать, чтобы произвести первый выстрел. Потом повторила еще раз, потом еще... Повторяла, пока Марта не заучила инструктаж наизусть. И только после этого ей дали «зеленый свет».

Как сказала Анка, мишени были самые обыкновенные. Белый фон, грудная зеленая фигура, круги с цифровыми обозначениями. Самое лучшее попасть в «десятку». Или в «яблочко».

Марта старалась. Одну за одной посылала пули в цель. Но у нее не было никакого опыта. И пистолет для нее был слишком тяжелый, под его тяжестью дрожала рука. Все пули уходили мимо.

– Так, совмести мушку с прорезью прицела, – терпеливо объясняла ей Люба. Она переняла эстафету у Анки. – Теперь затаить дыхание, плавно давить на спусковой крючок. Запомни, ты не должна ожидать выстрела...

И наконец ей повезло. Первая пуля попала в мишень. Правда, всего лишь в «молоко». Но для нее и это был результат.

* * *

На следующий выходной она снова была в тире.

Первую половину этой недели Люба и Анка издевались над ней как могли. Сначала заставляли держать на весу тяжелый утюг, затем навесили на руку гантель. Зато остальное время не трогали ее вообще. Дали руке отдохнуть.

С первого выстрела Марта попала в «семерку», со второго в «восьмерку». Третья пуля плюхнулась в «молоко». Зато четвертая и пятая – снова «восьмерка».

Но дальше, как Марта ни старалась, вперед не шла. Выше «восьмерки» прыгнуть никак не могла. Но и в «молоко» почти не попадала.

– А ты представь, что это не мишени, а те негодяи, которые... ну это... Представь, – неожиданно посоветовала Люба.

И Марта представила. Все пули ушли в «молоко».

– Поняла? – спросила сестра.

– Что поняла?

– Все мимо. А знаешь почему?.. Потому что ты дала волю своим эмоциям. А это волнение. Волнение – это дрожь в руке. А рука должна быть твердой... Теперь попробуй так. Нарисуй мысленный образ этих негодяев. И отодвинь их на задний план своего сознания, в «подкорку». Они как бы перед тобой, но ты о них не думаешь. Ты думаешь только о том, чтобы поразить мишень...

Марта так и поступила. И впервые приблизилась к «десятке». Одна пуля образовала дырку в кругу «девятки»...

В следующее воскресенье Марта отправилась в тир уже сама. Спортивная стрельба захватила ее.

* * *

– А что, сестра не приехала? – встретил ее Митрич. – И Анка тоже?.. Почему?..

Марта ему нравилась. И все-таки приезду Любы он был рад больше. И Марта знала, почему.

– Они вам привет просили передать, – улыбнулась она.

И достала из сумки бутылку импортной водки.

– Ух ты! – обрадовался Митрич. – «Абсолют», целая литра... Давай по чуть-чуть! – заговорщицки подмигнул он ей.

– Нет-нет, что вы, – улыбнулась Марта.

– Ну да, – почесал затылок Митрич. – Ты такая хрупкая, такая нежная... И пить... Да, дурака я свалял... Ну пошли, просто в моей каморке посидишь, журналы по стрелковому делу полистаешь. Если хочешь, мой треп слушаешь...

– Я бы поработать хотела...

«Поработать» – это выражение Любы. И Марта не говорила «стрелять». Она говорила «работать»...

– Да успеешь еще... А потом, там у меня, – он показал в сторону зала, – поэты работают...

– Поэты?

– Ну да, это я их так называю... Пошли. – Митрич осторожно взял ее за руку, будто боялся поранить ее.

И провел ее в свою каморку. Усадил в старое потертое кресло. Сам сел на табурет. Поставил бутылку на стол, любовно погладил ее по стеклянным бокам.

В это время послышались выстрелы. Марта уже достаточно хорошо разбиралась в стрелковом деле, чтобы понять – стреляют из боевого оружия.

– Ну вот, поэты поэмы складывают... – усмехнулся в ус Митрич.

– Почему поэты?

– Ты же знаешь, кто такие братки? – спросил он.

– Нет...

– Темнота!.. Хотя, конечно, тебе знать и не надо. Ничего хорошего в этих братках нет...

– Так кто они, эти братки?

– Это они себя братками называют. А на самом деле это обыкновенные бандиты. Про рэкет слышала?..

– Вообще-то да. По телевизору говорили...

– Вот и хорошо, что только по телевизору с этим сталкиваешься... Братки – это бандиты, рэкетеры. Все здоровые, накачанные. А рожи... Меня все перекреститься тянет, когда их вижу. И это при том, что человек я не шибко верующий... И разговаривают они не по-людски... Эгта, типа, в натуре, короче... И мат-перемат через слово...

– А почему поэты?

– А они как приходят, так и говорят. Мы по этим, которые мишени, постреляем. Мы по этому раз по сто пальнем... По этим, по этому... Поэты, одним словом...

Похоже, Митрич сел на своего любимого конька. Выставил братков-бандитов в забавном свете. Марта даже смеялась. А потом появились те самые братки.

Марта аж похолодела, когда в каморку к Митричу вломились два бугая с бритыми затылками и квадратными лицами. Ей и самой вдруг захотелось перекреститься.

– О-о, не понял, Митрич, в натуре, ты эгта, чо, телку, типа, снял? – пробасил один.

И впился в Марту тяжелым оценивающим взглядом.

– А чо, не слабая киска, – похабно усмехнулся второй. И нагло у нее спросил: – За сотку со мной пойдешь?..

– Что? – не сразу поняла Марта.

А когда до нее дошло, она чуть не закричала от боли и страха. Именно такие вот уроды изнасиловали ее. Она обхватила голову руками, ее затрясло. Казалось, еще немного, и она упадет на пол и забьется в психическом припадке.

– Эй, ты чо, в натуре, это, шифер, блин, набок съехал? – растерялся первый браток.

– А ну валите отсюда! – неожиданно рыкнул Митрич. – Совсем одурели! Нормальную девчонку с собой тянут... Я еще Генчику скажу...

– Да ладно, Митрич, замаяли, – пошли на попятную братки. Видимо, испугались какого-то Генчика.

– И Любке скажу, – не унимался Митрич.

– Любке?.. Эта которая с Анкой?..

– Вот-вот...

– А она-то чо?

– Это Марта – родная сестра Любки. А ты ей сотку предлагаешь. Совсем оборзел, да?

– Любкина сестра, да... Не, ну ты, Митрич, сразу бы сказал. А то молчишь, блин... Ты, Марта, эгта, типа, извиняй...

– Все, исчезли...

– Да ладно, Митрич, нам бы это...

– Я сказал, исчезли! – гаркнул Митрич.

Мордвороты испарились.

Только Марте не было от этого легче. Ее продолжало трясти. Страх по-прежнему сжимал ее душу ледяной рукой. Это хорошо, что Митрич сумел остепенить этих подонков. А вдруг они разозлятся да вернуться. Митрича избыют, а ее зверски изнасиловуют...

Следующего раза она точно не переживет...

Митрич подсел к ней. Начал гладить по спине.

– Ты чего так испугалась? – спросил. – Неужто уже настрадалась от таких вот?..

Марта часто закивала.

– Да ты не обращай внимания... Они скоты. Натуральные скоты... Но у них есть пастух. Он тебя в обиду не даст. И Люба всегда заступится...

Вот здесь начиналось самое непонятное.

– А они что, Любу боятся? – Марта оторвала руки от лица и сквозь слезы посмотрела на Митрича.

– Ну, не боятся. Так, побаиваются... Не все, понятное дело. Но эти да, их Люба приструнить может...

– А почему?

– А ты не знаешь?

– Нет...

Митрич ответил не сразу. Долго о чем-то думал, как будто взвешивал все «за» и «против».

– Если тебе Люба ничего не говорила, то и я молчу, – наконец заключил он. – Ты давай вот водочки выпей. Успокоиться надо...

Митрич откупорил бутылку, налил полстакана, пододвинул Марте. Достал из холодильника вскрытую банку маринованных огурчиков, подцепил один, на вилке поднес ей.

– Выпей, закуси... Полегчает...

Марта выпила. Водка горькая, гадкая, слезу вышибает. Но зато от нее действительно полегчало...

Домой она приехала под вечер. У Митрича засиделась. Сначала ждала, когда «поэты» отстреляются. Потом просто сидела – руки у нее тряслись, стрелять она не могла. И только когда более-менее оправилась от встречи с братками, пошла на электричку.

Возле дома стояла новенькая «девятка» цвета мокрого асфальта. Раньше Марта ее не видела. Она невольно залюбовалась этим чудом. И даже остановилась.

– Нравится? – раздалось над ухом.

Марта вздрогнула от неожиданности. Обернулась и увидела Любу. А рядом с ней Анку.

– Нравится, – кивнула Марта.

– Тогда садись, поехали... – Анка подошла к машине, ключом открыла дверцу.

– Это что, твоя?

– Наша, – сказала Люба. – Моя и Анки... Ну чего стоишь, поехали?

– А куда?

– Квартиру новую смотреть. В город перебираемся...

Через полчаса Марта рассматривала новую квартиру, которую сняли для себя Люба и Анка. Трехкомнатная, с отличной мебелью, телефоном. Правда, район спальный. Но зато станция метро в двух шагах.

– Будешь с нами жить? – неожиданно спросила Анка.

– А разве нет? – удивленно посмотрела на нее Марта.

Как будто ей еще есть с кем жить.

– Это твое дело, – сказала Люба. – Хочешь, с нами живи, мы тебя не гоним...

А может, это намек? Мол, мы тебя кормим, поим, за квартиру платим. А ты вроде как ничего не делаешь...

Может, ей надо домой к родителям возвращаться? Все-таки в институт не поступила, а потому в Москве ей как бы нечего делать...

– Не гоним, – подтвердила Анка. – Напротив, хотим, чтобы ты осталась... Привыкла я к тебе... Вот, теперь у нас у всех по комнате. Мне гостиная, а тебе вот...

Марте отвели самую маленькую комнатку. Но при этом самую уютную. Люба легла в комнате напротив.

Ночью Марта захотела пить, отправилась на кухню. Дверь в гостиную была открыта. Она не удержалась и заглянула в комнату. Никого. А где же тогда Анка?..

Скоро Марта поняла, где она ночевала в ту ночь. Там же, где и в следующую. В комнате Любы. Оказывается, Любе и Анке нравилось спать в одной постели...

Это открытие потрясло Марту. Но куда более сильное потрясение испытала она, когда спустя полгода узнала, откуда Люба и Анка берут деньги...

* * *

– Отлично, Марта! – похвалила ее Люба.

Семьдесят два очка из восьмидесяти. Для Марты великолепный результат. Она бы выбила и все восемьдесят. Но Люба как будто взбесилась. Требовала, чтобы она стреляла с интервалом в три секунды. И притом вела огонь не из спортивного «марголина», а из боевого «ПМ».

Июль, август... январь. Все это время Марта исправно посещала тир. Митрич всегда встречал ее довольной улыбкой. Только почему-то хмурился, когда Марта поражала мишень в «десятку».

А сегодня Люба решила принять у нее экзамен. Приняла. И осталась довольной.

Домой они ехали уже не на «девятке», а на почти новой «Ауди». Люба за рулем, Анка справа спереди, Марта на заднем сиденье.

– Как, ничего машина? – зачем-то спросила Анка.

Будто она только что купила это авто, будто Марта впервые села в него.

– Ничего...

– И тебе надо такую...

– Я такую за сто лет не заработаю...

– За тысячу, – уточнила Анка. – Ты ведь нигде не работаешь.

А так оно и было. Марта хотела устроиться продавцом в магазин. Даже по объявлению сходила, собеседование прошла. Но Люба не велела. Сиди, мол, на моей шее и не пищи. С деньгами полный порядок, куском хлеба никто не попрекает. Следующим летом поступишь в институт, выучишься, а тогда уж работай хоть до посинения...

– И не нужно ей работать, – сказала Люба.

– А жить красиво хочется...

– У нее все еще впереди...

На этом разговор о работе и закончился. Но осталась какая-то недоговоренность.

– Есть предложение, – сказала Анка. – Давайте в ресторан заглянем, посидим, твой, Марта, успех отметим...

– Какой успех? – не сразу поняла Марта.

– Ну, так стрелять ты научилась. Семьдесят два из восьмидесяти – какой-никакой, а успех...

– Конечно, в Книгу Гиннеса твой результат не занесут. Но в ресторан правда зайти можно...

– А в какой ресторан?

– Да в какой-нибудь. Это не важно...

Сначала заехали домой. Подготовились к вечернему выходу. Машину оставили на автостоянке.

– А она нам ни к чему, – сказала Анка. – Я, например, в ресторан шампанское пить иду. Или даже водку. С Любой на пару. А думать, что потом за руль... Не-ет уж, увольте...

Что ни говори, но аргумент Анка выдвинула убедительный. Пришлось брать такси.

– Где тут самый лучший ресторан? – спросила у таксиста Анка.

– Это в центр ехать надо.

– Да нам бы поблизости...

– Ну тогда «Астра».

– Поехали...

Ресторан Марте понравился. Небольшой, уютный. Официанты аккуратные, обязательные. Интимный полумрак, зал наполовину пустой, музыка тихо играет.

А потом ей вдруг все разонравилось. И виной тому два парня в спортивных костюмах и коротких кожаных куртках. Бритые затылки, бычьи шеи, золотые цепи. Среднего роста, скромный размах в плечах. Но повели они себя нескромно. Небрежно развалились за столиком неподалеку. Щелчком пальца подозвали официанта.

– Короче, чтобы все ништяк было, – громко сказал один.

В этой короткой фразе и заключался весь заказ. Официант расплылся в заискивающей улыбке и растворился в полумраке зала.

Люба и Анка не обратили на этих двух громил никакого внимания. Зато Марта с ужасом замороженно смотрела на них.

Один парень заметил это. И щелкнул пальцами в ее сторону. Судя по всему, он подзывал ее к себе. Но ведь она не собака.

Марта рывком отвела от него взгляд. И стала смотреть в свою тарелку.

Она бы с удовольствием ушла отсюда. Но Люба и Анка, похоже, вряд ли захотят уйти. Им хорошо. Даже очень. Это называлось – хорошо сидим...

Какое-то время парни были заняты друг другом, о чем-то лениво говорили между собой. А затем один развалился в кресле, закинул ногу на ногу, послал в рот сигарету, пустил дым. И впился в Марту затяжным взглядом.

Марта не выдержала. И глянула в его сторону. И тут же снова щелчок пальцами. Браток снова подзывал ее к себе. Кроме того, он ей еще и подмигнул. Наверняка думал, что после этого она обязательно примчится к нему на полусогнутых.

– Люба, может, пойдем? – сказала она сестре.

– Чего?.. – спросила та.

– Мне не очень хорошо...

– Этих, что ли, испугалась?

Анка окинула братков пренебрежительным взглядом.

– Ты их не бойся, – сказала Люба. – Ты с нами...

Их уверенность в какой-то мере передалась и Марте. А потом она вспомнила, как стал извиняться перед ней один «поэт», когда узнал, что она родная сестра Любы.

Марта успокоилась совсем. И тоже перестала обращать внимание на братков. Но те сами решили привлечь ее внимание.

Сначала к их столику подошел один. Без спроса, нагло занял свободное кресло, развалился в нем, забросил ногу на ногу. И с хищной улыбкой посмотрел на Марту.

– Ну чего молчите, телки? – грубо спросил он.

Марта испуганно спрятала взгляд. Люба и Анка посмотрели на него с нескрываемым презрением. Но промолчали.

– Короче, это мой кабак. И отстегивать будете мне, – нагло заявил браток.

– Ты кто, дятел? – ехидно спросила Анка.

Как и Люба, она смотрелась эффектно. Строгий брючный костюм, небрежная полуулыбка, стальной блеск в глазах. Но браток даже не удостоил ее взглядом. Все внимание на Марту.

– Нет, моя кликуха Удод, – не понял юмора браток.

– Шел бы ты отсюда, удод! – сказала Люба.

– А ты, цаца, не дергайся! – цыкнул на нее браток. – А то вдруг матку наизнанку вывернут... Короче, с вас пятьдесят процентов, – пальцем показал он на Любу и Анку. – А ты, цыпа,

отстегиваешь мне всего двадцать. Зато каждый день я буду иметь тебя на халяву... Добазарились, короче...

Браток встал, потянулся. И протянул Марте руку.

– Пошли?

– Куда?..

– Ко мне в тачку... Покажешь мне, как трахаться умеешь...

Как будто температура подскочила у Марты до сорока двух... Сердце вылетало из груди, на лбу выступила испарина. Перед глазами пошли кошмарные картины. Она на капоте вишневой «девятки», а вокруг три подонка-насилъника...

– Убери руку, козел! – Люба поднялась с места.

– Ша, сука! – Браток брезгливо усмехнулся и ткнул в ее сторону два растопыренных пальца.

И тут же его рука оказалась в жестком захвате. Мощное движение бедром, и длинная нога Любы летит братку в лицо. И снова удар – второй ногой под коленную чашечку. Громила позорно грохнулся на пол.

С места сорвался второй браток. Но ему навстречу устремилась Анка. Она выпрыгнула высоко вверх и в прыжке ударила его ногой в грудь. Браток подался назад, снес стол. Послышался треск мебели, звон посуды. Анка снова набросилась на него. И эффектно добила его локтем в голову. Он больше не вставал, только дергался.

– Мы не проститутки, идиот, понял?

Чтобы объяснение выглядело убедительно, Люба взяла со стола блюдо с салатом «оливье» и размазала его по лицу крепыша.

Братков приструнили, опозорили. С побитым видом они перебрались за целый стол. Снова сделали заказ. А один сходил к телефону, куда-то позвонил. Атмосфера ресторана наэлектризовалась жадной реванша.

– Уходим. – Анка подозвала официанта. Рассчиталась с ним. И первой поднялась из-за стола. Не удержалась и помахала браткам рукой. – Пока, мальчики. Больше не прудите в штанишки...

Марта невольно улыбнулась. Как ей сейчас хотелось быть такой вот сильной и независимой, как Анка или Люба! Одной левой справляться с этими ублюдками. И не бояться их, а презирать.

На выходе из ресторана они столкнулись с тремя бритыми крепышами. Те явно куда-то спешили. Прошли мимо и не обратили на девушек никакого внимания.

– Сейчас вернутся, – сказала Анка. – За нами...

И зачем-то сунула руку в кожаную сумку на плече. И Люба тоже так сделала, что-то нащупала в сумке. Марта услышала какой-то щелчок.

Анка помахала рукой. Такси хотела поймать. Но машины пока не останавливались. Черная «Волга» затормозила перед ними, когда из ресторана на полных парах выходили пятеро братков.

Люба резко открыла дверцу машины, с силой втокнула Марту в салон. И сама рывком внесла туда свое тело. Анка тоже не медлила.

– Гони! – сказала она пожилому водителю.

– К чему такая спешка? – начал было умничать тот.

– Я сказала, гони! – уже рыкнула на него Анка.

Было в ее голосе и взгляде что-то такое, от чего водитель сразу сник. И уже не было у него никакого желания выпендриваться. Он рванул машину с места и понесся вперед по шоссе.

Люба обернулась и долго смотрела назад.

– И эти за нами, – наконец сказала она.

В ее голосе звучала досада. Марте стало страшно. Неужели братки пустились в погоню? Их же пятеро, и все такие крепкие...

– Машина у них хорошая. «БМВ»... Не уйдем...

Марта пришла в ужас. Что будет, если их догонят?

Зато не теряла самообладания Анка. Она спокойно указывала водителю куда ехать.

– А теперь остановись здесь... Та-ак, отлично... Держи... – Она сунула ему деньги и выскочила из машины.

Одновременно с ней на улице оказалась и Люба. Она помогла выбраться и Марте.

Темнота. Безлюдный парк, утоптаный снег под ногами, аллея. Сломанные лавочки и разбитые фонари.

– Самое то, – сказала Анка.

Она пропустила Марту вперед, а сама с Любой встала позади нее.

– Пошли...

И они двинулись вперед по аллее. Быстрым шагом. А сзади уже останавливался «БМВ». Из него вытряхивались братки.

– Все пятеро, – сказала за спиной Люба.

Голос спокойный, в нем абсолютно никакого волнения. Зато Марта сходила с ума от страха. Ей все казалось, что братки сейчас догонят их, избьют, а потом изнасилуют... Она не думала, что ее могут убить. И все потому, что надругательства над собой она боялась гораздо больше смерти...

– Так, так... Сейчас, сейчас... Еще немного... Вот сюда...

Анка рукой вцепилась в плечо Марты и втолкнула ее в боковую аллею. И зашагала за ней, толкая ее в спину.

Братки свернули за ними.

– Эй, соски, вы чо, в натуре? – загрохотал один. – Тормозите, базар есть...

Но Анка продолжала толкать Марту вперед.

– Да пусть идут, – сказал второй браток. – Там тупик, в натуре. И летняя танцплощадка. Там и потанцуем...

– Чур я танцую с той, худенькой! – гоготнул кто-то.

– Не-а, мы будем танцевать с ней все сразу...

Как будто высоковольтное напряжение подключили к Марте. Ужас сковал ее. Ноги налились свинцом, она больше не могла идти. А тут и Анка перестала толкать ее.

Они остановились, все трое. Анка и Люба развернулись лицом к браткам.

– Ребята, разве можно заниматься сексом по такому холоду? – сухо спросила Анка.

– А потом, моя сестра не любит вас, – добавила Люба.

Марта тоже развернулась. Из-за спин сестры и ее подруги увидела наглые морды крепышей.

– Зато мы любим ее, – загоготал самый здоровый. – И вас тоже любить будем. Во все щели... Или вы будете царапаться?

Конечно, теперь они уверены в своей силе. Их пятеро, и трое из них очень крепкие на вид ребята.

– Нет, царапаться мы не будем... Мы уже вышли из того возраста...

Марте показалось, что из уст Анки послышалось змеиное шипение.

– Вы нам надоели, мальчики! – И Любин голос был полон яда.

Марта видела, как в руке сестры появился пистолет с каким-то толстым цилиндром на окончании ствола. И Анка тоже выбросила «жало». Спокойно, будто они были в тире, Люба и Анка выставили руки с пистолетами. И начали жать на спусковые крючки.

Выстрелов почти не было слышно. Зато Марта услышала, как взвыл и тут же заткнулся первый браток. Второй даже пикнуть не успел. За ним упал третий, четвертый...

Пятый успел упасть на колени и с мольбой протянуть руки.

– Э-э, вы чо, вы чо, не надо...

Только что он был такой крутой. А тут вмиг раскис, превратился в половую тряпку. Хотите, ноги об него вытирайте, хотите, на помойку выбросите – только не убивайте...

Но Анка была непреклонна. С потрясающим хладнокровием она выстрелила крепьшу в живот. А когда тот повалился на землю, добавила пулю в голову.

Это было так ужасно. Но Марта вдруг обнаружила, что ей ни жарко ни холодно. Она не испытывала абсолютно никакого сострадания к этим монстрам «городских джунглей». И смерть их казалась ей символом высшей справедливости. Ее перестало лихорадить. Адреналин в крови исчез. Зато взамен она получила крепкую дозу ледяного спокойствия.

Марта смотрела на трупы, как на какие-то манекены. И где-то в глубине души была радость. Теперь эти подонки никого не обидят, никого не изнасилуют...

* * *

– Ты считаешь, мы поступили правильно? – уже дома спросила ее Люба.

– Абсолютно правильно... – Марта смотрела на нее без страха и упрека.

– Мне всегда казалось, что ты такая трусиха...

– Вы со мной, я знаю, на что вы способны... Теперь мне нечего бояться.

– Но мы ведь их не просто наказали. Мы их убили. Убили...

– Ну и что?.. Они это заслужили...

Люба посмотрела на Анку. И сказала ей:

– По-моему, это наш человек...

Анка кивнула.

– Марта, а ты сама могла бы убить? – Люба продолжала наседать на Марту.

– Смотри кого... Бандита, например, запросто...

Марта и сама поражалась своей смелости. Она вдруг перестала бояться братков, «поэтов». Ведь теперь она знала средство против них.

– А человека нет, – добавила она.

– А разве бандит не человек?..

– Нет, не человек...

Те три подонка, которые изнасиловали ее, были бандитами. Теперь Марта знала это точно. Только бандиты могли себя так вести. Только у бандитов были такие мерзкие рожи. Только бандиты могли так одеваться, как они...

В глазах Марты появлялся стальной блеск, когда она думала о мести. Арест, скамья подсудимых, приговор, долгие годы в колонии – все это ерунда. Насильникам этого мало. Марта желала им только смерти.

Она бы сама вынесла им смертный приговор. Сама бы привела его в исполнение...

Ей хотелось быть такой же смелой и сильной, как Люба и Анка. Она не владела карате, не умела драться. Зато она отлично стреляет из пистолета.

* * *

Это случилось ровно через неделю. Люба и Анка отправились по своим делам, а Марта осталась на хозяйстве. Готовила обед, убиралась в квартире, мыла полы. И в самый разгар работы домой заявила Люба.

– Бросай тряпку! – серьезно велела она. – Поговорить надо...

Разговаривали они на кухне.

– Это правда, что тебя в институт из-за твоих зубов не приняли? – издали начала Люба.

- Ну, вообще-то не совсем... Но в принципе...
- Сейчас золото не в моде.
- Я знаю.
- Тебе керамика нужна.
- Я уже думала... Но все так дорого...
- Дорого, – кивнула Люба. – Очень дорого... Такие деньги на дороге не валяются...
- Понимаю...
- Но ты можешь их заработать.
- Как?
- Очень просто... Ты сама говорила, что бандит не человек...
- Говорила, ну и что?
- Поэтому ты запросто можешь его убить.
- Могу...
- Вот и сделай это... Нужно одного человека убрать. Бандита...
- Как это убрать?
- Убрать – это, по-нашему, убить...
- По-вашему?..
- Марта, ты умная девчонка. И, наверное, ты знаешь, чем мы занимаемся.
- Преподаете в детско-юношеской спортивной школе...
- Это для прикрытия... А в чем заключается основная наша работа?
- Не знаю.
- Но ты должна хотя бы догадываться... У нас есть пистолеты, мы отлично стреляем, умеем убивать... Ну?..
- Вы еще приемами карате владеете...
- Марта, ну разве можно быть такой глупой... Мы киллеры.
- Киллеры?.. Но киллеры – это же...

Марта запнулась. И удивленно уставилась на Любу. Она не ужасалась. Напротив, чуть ли не восхищалась сестрой.

- Да, киллеры – это наемные убийцы. Мы и убиваем за деньги... Откуда, ты думаешь, у нас эта квартира, иномарка?..
- Вы убиваете бандитов? – спросила Марта.
- И бандитов тоже...
- А еще кого?..
- Людей...

Вот тут вдруг Марте стало страшно. Люди – это добропорядочные мужчины, женщины, дети, старики... Люди – это их с Любой мама, отец...

- Как вы можете?..
- Понимаешь, Марта, мы лишь исполнители... Вот представь, живут и работают вместе два человека. У них одна фирма на двоих. И один вдруг захотел избавиться от второго, чтобы завладеть фирмой. Он обращается к нам. Так, мол, и так, этого человека нужно убрать... Что нам остается делать?
- Если человек хороший, отказаться.
- Хорошо, мы отказались. Тогда заказчик обращается к другим людям. И в итоге того человека все равно уберут. Другие. Этим другим и деньги достанутся. А мы ничего не заработаем... Пойми, мы всего лишь исполняем волю заказчика, приговор. Ведь если не мы, это сделает кто-то другой...

Люба говорила страшные вещи. Но Марта воспринимала ее кровавую философию, соглашалась с ней...

– В общем, ты подумай, – сказала Люба. – Если ты согласна, заработаешь десять тысяч долларов. Мы с Анкой поможем тебе убрать одного бандита...

– А если я не соглашусь?

– Я не могу ответить тебе сразу, что будет, – проговорила Люба. И каким-то очень жутким взглядом посмотрела на Марту. И ей сразу стало ясно, что с ней будет в случае отказа...

Марту посветили в страшную тайну. Ведь заказные убийства вне закона. За них сажают в тюрьму, приговаривают к смертной казни. И чтобы тайное вдруг не стало явным, Марту могут отправить туда, где она ничего и никому не сможет сказать. Ее убьют...

– А потом, – взгляд Любы становился все черней, – ты видела, как мы убили пятерых братков... Ты подумай, ты хорошо подумай...

Марта вдруг остро осознала, в какой западне она оказалась. У нее не было выбора. Одно из двух: или быть вместе с Любой и Анкой, или... Нет, нет, об этом лучше не думать...

– Я с вами... – выдавила она из себя.

– Ну вот и отлично...

– Только я не могу убивать людей...

– Будешь убивать бандитов, – решила Люба. – За них, кстати, больше платят...

О деньгах Марта тогда вовсе не думала.

* * *

Холодный гулкий подъезд, грязные крутые ступеньки. И на лестничной площадке между третьим и четвертым этажом на широком подоконнике сидела Марта.

Люба посоветовала ей закосить под неформалку. Кожаная куртка с железными заклепками, джинсы с заплатами, на голове прическа «взрыв на макаронной фабрике». И самое главное, нужно сделать пустой, тупо блуждающий взгляд. Будто она только что укололась. Наркоманка-неформалка. Для убедительности на подоконнике лежал использованный одноразовый шприц.

Марту колотило. Этого не должно было быть. Она должна испытывать кайф. Ведь она якобы только укололась. Но эту дрожь она не вызывала, эта дрожь сама завладела ею. Ей было страшно.

Вот-вот должна была появиться жертва. Парень лет двадцати, бригадир рэкетиров. Вчера Марте дали его фотографию. Прежде чем глянуть на нее, она мысленно вспомнила физиономии трех подонков. Как было бы хорошо, если бы на фотографии был изображен один из них. Но, увы, это был другой...

Этот парень не насиловал ее. Ей не за что было ему мстить. Но он бандит. И, возможно, изнасиловал какую-нибудь другую девушку. Или мог изнасиловать в будущем саму Марту.

Этими мыслями Марта нагнетала злость. И ей удалось настроить себя на предстоящее убийство. Все было нормально. Но в самый последний момент самообладание оставило ее.

Надо взять себя в руки, мобилизовать свою волю... Марта настраивала себя, но дрожь не проходила.

В какой-то момент она подумала, что нужно все бросить и убежать. И пропади они пропадом, и Люба, и Анка...

Но кому она тогда будет нужна?.. И кто она будет без них, сильных, уверенных в себе?.. Нет, она должна быть такой, как они. Не она должна бояться бандитов, а наоборот. Только тогда Марта сможет забыть свой кошмар, только тогда она найдет себя, только тогда наладится жизнь...

Снизу послышались шаги. Это мог быть кто угодно. Но Марта поняла – это он, человек, которого она должна убить.

И точно, появился он. Спортивного вида крепыш с квадратным лицом и приплюснутым носом. В глазах его холод и презрение ко всему.

Он остановился перед Мартой, покачнулся на широко расставленных ногах. Зачем-то хлопнул кулаком по раскрытой ладони.

– Ты чо тут делаешь? – с угрозой спросил он. – Чо, в натуре, ширнуться больше негде?

– Я сейчас уйду... – испуганно посмотрела на него Марта.

Ей бы сейчас выхватить из куртки пистолет «ТТ» с глушителем. Крепко ухватиться за рукоять, указательный палец сунуть в спусковую скобу, положить на спусковой крючок. И резким рывком вывести пистолет на линию огня. Все продумано до мелочей – пистолет выйдет легко, не зацепится глушителем за одежду.

Но Марта растерялась. Она не смогла достать пистолет. Даже не пыталась.

– Вали отсюда, тварь конченная! – заорал на нее браток.

– Да-да, сейчас...

Браток повернулся к ней спиной. И медленно зашагал вверх по лестнице.

Он назвал ее тварью, он грубо оскорбил ее... Это подхлестнуло Марту. Она выхватила пистолет. Но вывести на линию прицеливания не смогла. Рука словно онемела. Пистолет показался ей несусветной тяжестью.

Одно дело стрелять по мишеням в тире, другое – убить живого человека. В ней не было прежней уверенности, она уже не считала, что бандит не человек. Бандиты – они плохие, гадкие, но люди...

Бригадир остановился, начал поворачиваться к ней.

– Не, ну ты чо, не понимаешь?..

Слова застряли у него в горле, когда он увидел пистолет в ее руках. Он сориентировался мгновенно, его рука шмыгнула за борт теплой куртки. Еще немного, и он станет опасен... А Марту как заклинило. Опасность не подхлестнула ее. Она ее заморозила...

Два выстрела прозвучали едва слышно. Браток покачнулся, задрал вверх голову. Колени его подкосились. Он выхватил руку с пистолетом. Но не для того, чтобы стрелять. А чтобы схватиться за перила. Пистолет вывалился из его руки, с лязгом ударился о ступеньки.

Он был еще жив, когда к нему подошла Люба. В ее руке дымился «вальтер». Она с укором посмотрела на Марту.

– Ну что же ты, девочка? – Но в голосе не было ни грамма злости.

– Да вот, – развела она руками.

– У тебя есть шанс... – Люба показала на раненого братка. – Добей его!

Это прозвучало приказом. Марта не могла послушаться. Она направила пистолет на братка. А тот смотрел на нее.

– Ну чо ты, сука, давай, мочи! – зло прохрипел он и закрыл глаза.

– Я не сука, – тихо сказала Марта.

И нажала на спусковой крючок. Пуля угодила точно в сердце.

Люба учила, что контрольный выстрел нужно делать в голову. Но Марта не могла заставить себя сделать это...

– Пошли...

Люба бросила на труп свой «вальтер». Марта – свой «ТТ». И они обе беспрепятственно спустились вниз. По очереди пересекли двор. За домом в машине их ждала Анка.

– Ну что? – спросила она.

– Да вот, сладили на пару, – ответила Люба.

И посмотрела на Марту.

– На первый раз я тебя прощаю... Но гонорар разделим пополам. Вопросы?

– Нет...

– И из твоей доли вычту за «вальтер». Такой ствол потеряла...

Марте было все равно, сколько она получит. Ей вообще было все равно. Ее не трясло. И угрызений совести не было и в помине. Как будто что-то умерло в ней. Как будто она лишилась способности переживать.

А потом она долго удивлялась. Как так, почему она растерялась. Ведь это так легко – поднять пистолет и выстрелить в человека.

Рухнуло последнее препятствие пред воротами в ад...

* * *

Никита не мог в это поверить. Но факт оставался фактом. Роза, или, по-настоящему, Марта, была киллером.

– Я убивала только преступников, – сказала она. – Их на моем счету девять...

И за каждого она получала деньги. И немалые. Машина у нее своя, квартирка неплохая...

– А тех подонков я так и не нашла. А потом... – Марта запнулась. Будто чего-то испугалась. – А потом я случайно узнала одного...

– Значит, это ты была в белой «шестерке»?..

– Я.

– Отличный выстрел.

– Об этом выстреле я мечтала долгих два года. Я не могла промазать...

– А второго зачем убила?

Марта снова как будто чего-то испугалась. И с непонятной опаской посмотрела на Никиту.

– Если я тебе скажу, что хотела спасти тебя, ты не согласишься?

– Нет.

– И правильно... Я тебя еще тогда не знала... А тот амбал погиб, потому что я приняла его за этого...

Марта кивнула на труп Валька.

Человек-гора был покрупнее Валька. Но Марта тогда находилась в нестандартной ситуации. И неудивительно, что она могла ошибиться. Тем более человек-гора стоял к ней спиной.

– Я отомстила двоим. Остался третий, – сказала Марта. – Это Кучин по кличке Егерь... Я найду его...

– А потом?..

– А потом я убью его.

– Я не про это... Что будет потом, когда ты отомстишь? Ты будешь продолжать убивать?..

Марта растерянно посмотрела на Никиту. В глазах появился страх. Но страх не перед смертельной опасностью. Похоже, она боялась потерять Никиту.

– Я не хочу убивать... – На глазах у нее появились слезы. – Я не хочу...

– Так в чем же дело?

– Организация... За мной очень сильная организация... Меня не отпустят...

Уж кто-кто, а Никита понимал ее. На собственной шкуре испытал он, что значит взять да выйти из криминальной организации.

– Отпустят! – решительно заявил он. – А не отпустят, я отпущу твоего босса... На тот свет...

– Это нереально...

– Реально... Уж я-то знаю...

– Ты не бросишь меня? – спросила Марта.

Она подошла к нему с опаской, будто он мог прогнать ее от себя.

– Никогда. – Никита привлек ее к себе.

Он крепко поцеловал ее, но тут же отстранился.

– Лирику на время засунем в одно место, – решительно сказал он. – А сейчас нам нужно уходить...

– Будем избавляться от трупов? – спросила Марта.

Она снова стала такой же невозмутимо спокойной, какой была, когда расправлялась с Вальком.

– Нет... Это слишком долго. Да и опасно... Это не моя квартира. Я ее снимаю. На всякий случай я сделал так, что хозяйка неправильно меня запомнила...

– Как это неправильно? – не поняла Марта.

– Ты когда-нибудь пользовалась гримом?

– Вообще-то да...

– Тогда ты должна меня понять.

– Ты был не похож на себя?

– Именно. Был не похож на себя, как ты, когда мы с тобой познакомились. Ты, помнится, была ослепительной блондинкой...

– И звали меня Розой...

И снова в глазах Марты появился едва уловимый страх. Словно она боялась какого-то страшного разоблачения.

– Кстати, почему ты была такой?

– Я же сказала, что в театральном учусь... – Она отвела в сторону взгляд. И, как бы спохватившись: – Ну, мы уходим?

– Да, только сначала вещи соберу. И «пальчики» наши надо стереть...

– Зачем?

– У тебя не было приводов в милицию?

– Нет...

– А у меня были... Мои «пальчики» в ментовской картотеке.

– А что ты натворил?

– Да так, мелочи...

Никита собирался рассказать Марте о своем прошлом. Он хотел, чтобы она знала, как противно было ему в бандитской шкуре. Она должна знать, что и ему приходилось убивать людей. Чтобы не думала, что она хуже его... Но он расскажет ей все не сейчас – потом...

Они уничтожили все следы своего пребывания в квартире. Марта разобрала на части и выбросила из окна свой пистолет. У Никиты оставались еще два ствола, один он отдал Марте.

Из дома они выходили в пятом часу утра. Время, когда у людей самый крепкий сон.

Но, оказалось, спят не все. У подъезда стояли машины. Две обыкновенные «семерки». В них кто-то был.

Когда Никита и Марта вышли из подъезда, распахнулась одна дверца, затем вторая. Появились какие-то парни.

– Сука буду, это он! – показал на Никиту один.

– Да я его, гада, в жизнь не забуду!

И Никита узнал его. Тот самый браток, с которого все началось. Он ехал в джипе с Рваным. Тогда их было четверо. Сейчас в живых остался только этот...

– Назад! – Никита рванул обратно к дверям, взял Марту на буксир.

Впрочем, она и сама быстро все поняла.

Они скрылись в подъезде, а братки выскакивали из машины, вытаскивали из нее оружие.

Их было пятеро. Похоже, это было все, что осталось от банды Рваного и Валька.

Оплошал Никита. Не подумал, что Валька ожидают внизу. Но еще не поздно исправить ошибку.

Достать пистолет – дело нескольких секунд. Еще дома Никита избавил «тотошу» от парафинированной бумаги, заводской смазки, приготовил к бою, накрутил глушитель. И Марта знала толк в оружии. Ей также не понадобилось дополнительное время, чтобы обнажить ствол.

Бандиты бежали к подъезду скопом. Видимо, думали, что беглецы несутся сейчас по лестнице вверх. Да ошибочка вышла, Никита и Марта поджидали их в темноте междверного тамбура.

У двух братков были короткоствольные автоматы. Но напрасно они думали, что успеют пустить их в ход.

Никита и Марта располагали всего секундой, максимум двумя. Если они не сумеют использовать их – начнется перестрелка. А в их случае это равно поражению.

– Твои справа, мои слева, – сказал Никита.

И первым нажал на спуск. В то же мгновение выпустил пулю пистолет Марты. Автоматчики, крайний справа и крайний слева, покачнулись и свалились. И снова выстрелы, в автоматическом режиме. Братки падали как подкошенные. Никто из них не успел ничего понять, не то чтобы выстрелить.

А Никита и Марта двинулись вперед. И продолжали стрелять. Их пистолеты замолчали, когда кончились патроны. Замолчали и полетели на трупы.

– Ну вот и все, – тихо сказал Никита.

Он поправил свою сумку на плече. И согнул для Марты руку в локте.

– Они ведь сами во всем виноваты? – так же тихо и по-детски наивно спросила она.

И взяла его под руку.

Как ни в чем не бывало они продолжили путь. И благополучно добрались до ее дома.

Глава 4

– Теперь ты будешь жить у меня, – сказала Марта. И крепко прижалась к нему. – Я никому не дам тебя в обиду... Никому...

– А что, – удивился Никита, – меня кто-то может обидеть?..

– Пусть только попробуют...

– Хорошая ты моя. Что бы я без тебя делал...

Он медленно положил ее на спину, нежно коснулся языком мочки ее ушка. Марте это понравилось.

– Ты самый лучший, – прошептала она, когда он опустил ее чуть ниже.

– Нет, это ты самая лучшая...

Никита, как всегда, очень медленно продвигался к цели.

– Ты всегда будешь со мной так нежен?

– Всегда...

До Никиты у Марты не было мужчины. Те три подонка не в счет. Но именно из-за них Марта не могла думать о мужчинах и сексе. Один лишь Никита сумел пробудить в ней чувство. Он выбрал правильную тактику ее завоевания – ласковое и нежное наступление. И Марта сдалась. Можно сказать, только сегодня она стала женщиной...

Они занимались любовью долго, до самого вечера. А потом в дверь кто-то позвонил.

Марта встревожилась.

– Не открывай, – сказал ей Никита.

– Нет, она знает, что я здесь.

– Кто она?

– Тебе этого лучше не знать... Ты лежи здесь. И не вздумай выходить...

Она оставила его в спальне. А сама набросила на себя халат и пошла открывать дверь.

Прошло какое-то время после того, как она закрыла Никиту и впустила в дом гостью.

«Я никому не дам тебя в обиду...» «Тебе этого лучше не знать...» Никита не придавал серьезного значения этим фразам. Поэтому спокойно лежал в постели Марты. И ждал, когда она выпроводит свою гостью и вернется к нему.

Дверь распахнулась неожиданно. На пороге возникла молодая женщина. Не красавица, но и не уродина. Спортивного телосложения, в строгом деловом костюме. И рыбы глаза, ледяная пустота в них.

– Так я и знала, – глядя на Никиту, сказала она.

Марта стояла у нее за спиной и молчала.

– Теперь я поняла, почему он до сих пор жив...

Пистолет в ее руке появился совершенно неожиданно и как будто из ничего. Дамский «браунинг» карманного формата. Женщина направила ствол на Никиту.

– Теперь, девочка, мне придется исправить твою ошибку...

И раздался приглушенный выстрел... Женщина в изумлении вытаращила мертвеющие глаза, покачнувшись, пистолет вывалился из ее руки.

Из последних сил она попыталась повернуться к Марте. Но не смогла. Рухнула на пол. Под левой лопаткой кровила совсем крохотная дырочка.

Марта стояла в коридоре. Бледная как смерть, глаза закрыты, тело содрогается словно в конвульсии. В руке дымится пистолет...

Еще не понимая, что же все-таки произошло, Никита соскочил с кровати и направился к ней. Но Марта остановила его. Она направила на него ствол. И, срываясь на истерику, крикнула:

– Не подходи!..

Никита остановился, подался назад.

– Марта...

Он был шокирован ее поведением.

– Что Марта? – Из ее глаз хлынули слезы. – Ты хоть знаешь, кого я убила?.. Это моя сестра... Моя родная сестра...

Она выпустила пистолет из руки, закрыла лицо ладонями, прислонилась к стене и медленно соскользнула на пол.

Никита подошел к ней. Обнял. Она прижалась к нему.

– Это все из-за тебя, – простонала она.

И разрыдалась.

* * *

– Кто там? – спросил из-за двери грубый мужской голос.

– Телеграмма...

Марта заканчивала первый курс театрального. Кое-чему ее научили. Кое-что она постигла сама. Искусством грима и перевоплощения она владела вполне. И актерский талант проявлялся в полной силе не на театральных «капустниках», а во время исполнения заказов.

Она могла быть чумовой хипповой девчонкой-оторвой. Могла быть сопливой кисейной барышней. Строгой деловой дамой. Развязной, вульгарной или элитарной воспитанной проституткой.

Сегодня ей пришлось быть уставшей, измученной жизнью почтальоншей. У нее не было даже сил поднять глаза на крутолобого парня с замашками крутого. Он открыл дверь, взял бланк...

– Распишитесь, пожалуйста, – бесцветно попросила Марта.

Но парень забыл о ней. Он морщил лоб, кривил губы – пытался понять, что за телеграмму ему принесли.

А телеграмма была самая обыкновенная. Она сообщала, что у некоего гражданина по имени Валерий родилась дочь.

– Какая дочь? – непонимающе вращал глазами браток.

Он ничего не мог понять по одной причине – эта телеграмма предназначалась не ему.

– А это квартира сто сорок три? – как будто вспомнила Марта.

– Да не, ты чо... Ты, в натуре, глаза разуй...

Но разуть глаза пришлось ему самому. Они у него на лоб полезли, когда он увидел направленный на него пистолет.

Марта спокойно нажала на спусковой крючок. Пуля врезалась жертве в живот. Парень заорал, подался назад, свалился на пол в глубине коридора. Марта спокойно вошла в квартиру, вытянула руку с пистолетом, два раза выстрелила. Две пули вошли точно в сердце. Браток успокоился навеки.

И тут из комнаты выскочила молодая женщина и с ней ребенок лет пяти.

– Сережа! – взвыла она и упала на труп мужа.

– Папа! Папочка! – завизжал малыш.

Будто ледяная рука схватила Марту за душу, скрутила. Ей стало плохо, перед глазами пошли круги.

Женщина увидела Марту, пистолет в ее руке. Но не испугалась. Снова опустила голову на грудь мужа. Заревела белугой. Рядом истерически орал малыш.

На ватных ногах Марта вышла из квартиры, выбросила пистолет. И медленно спустилась вниз. Во дворе ее ждала машина. Она не помнила, как снимала грим, приводила себя в порядок, ехала домой.

Таблетка успокоительного, ледяной душ немного привели ее в чувство. Но всю ночь ей снился кошмар – молодая женщина и ребенок. Всю ночь она вместе с ними оплакивала мужа и отца...

* * *

Люба пришла вечером. Элегантная деловая леди.

В последнее время она не исполняла заказы. Вместе с Анкой они контролировали работу рядовых исполнителей. Иногда Марте казалось, что Люба перестала быть ее родной сестрой. Что она всего лишь ее наставник. Холодный, бездушный...

– Все в порядке, сестрица, – сказала Люба. – Вот, это твое...

Она выложила на столик две пачки стодолларовых купюр, перетянутых резинкой. Предоплата и плюс эта сумма – итого тридцать тысяч долларов. Гонорар за исполненный заказ.

Марту не пытались переориентировать на чиновников, коммерсантов и прочий люд из категории риска. Ликвидация членов преступных группировок – дело опасное. И Марте просто везло, что все ей сходило с рук. А ведь ей могли и отомстить, жестоко отомстить... Только она ничего не боялась.

Не боялась ничего... Кроме той молодой женщины и ребенка. «Сережа!..» «Папа, папочка!..» Эти крики до сих пор стояли в ее ушах.

– Тебе надо съездить на Канары, – сказала Люба.

– Мне сейчас не до отдыха.

– А кто тебе сказал, что ты едешь отдыхать?..

– Зачем же мне тогда на Канары?

– Поступил заказ. Очень важный заказ. Лично тебе светит пятьдесят тысяч долларов...

– Я не хочу, – глядя куда-то в пустоту, тускло сказала Марта.

Люба с удивлением посмотрела на нее.

– Я что-то не поняла, сестренка...

– Я не хочу больше убивать... Не хочу...

– Это твоя работа.

– Надоела мне эта работа... Я уволиться хочу.

– На что же ты тогда будешь жить?

– Как-нибудь проживу...

Люба долго молчала. О чем-то думала, что-то взвешивала в уме.

– Ты не можешь уволиться, – наконец сказала она. – Это не та работа, где можно написать заявление по собственному желанию. Это работа, с которой тебя могут уволить только на тот свет...

– Но ты же моя сестра. Ты же моя родная сестра...

– Ну и что?.. Ты сама выбрала свою судьбу. И я тебе ничем помочь не могу.

Теперь Марта надолго замолчала.

Она не закатывала истерику, не билась головой о стену. Не пыталась больше эксплуатировать родственные чувства Любы.

Просто она прекрасно знала, кем стала ее сестра. Не менее хорошо она знала, кем стала сама. В этом мире смертей, в котором они существуют, нет места сантиментам. Это мир вечной мерзлоты, в нем могут существовать только роботы, запрограммированные на исполнение поставленной задачи. Заказ – убийство – расчет... И больше ничего...

И если Марта хочет выйти из игры, то обращаться ей нужно не к сестре. А только к самой себе. Никто не протянет ей руку помощи, рассчитывать можно лишь на собственные силы. А она не в силах противостоять мощной машине, производителю смерти...

– Что я должна сделать? – спросила Марта.

– Ну, вот это разговор, – одобрительно кивнула Люба.

Теперь она снова стала доброй, заботливой сестрой.

Неожиданно Марта поймала себя на мысли, что, если она решит выйти из игры, путевку на тот свет ей выпишет не кто-нибудь, а именно Люба...

А сейчас она «выписывала» ей путевку на Канары.

* * *

Высотный четырехзвездочный отель, пальмы, бассейны, загорелые довольные лица туристов. Все хорошо. И ее номер люкс вполне соответствовал ее имиджу жены «нового русского», путешествующей без мужа.

Она приехала на Канары работать. Но работа превратилась в отдых. По причине отсутствия объекта ликвидации.

Никита Брат, бандитский авторитет, его руки по локоть в крови... Это она услышала от Любы. И это определило ее согласие. А потом она глянула на его фото. Приличного вида молодой человек. Совсем не бандитская внешность.

Но бандитская внешность – это понятие абстрактное, условное. Человек может быть страшен лицом, но чист и честен душой. А под внешностью ангела может скрываться настоящий сатана. Марта уже давно поняла это...

Она согласилась ликвидировать Никиту Брата. И отправилась в тур на Канары. Но убивать этого симпатичного молодого человека ей вовсе не хотелось. И она даже обрадовалась, когда узнала, что ей не на кого охотиться. Объект ликвидации на острове не появился. А искать его где-нибудь в другом месте – инструкций не поступало.

Марта каждый день ждала появления Никиты. И каждый вечер у нее было хорошее настроение. И все потому, что он не появлялся...

Она хорошо отдохнула. И после того, как ей позвонила Люба и велела отправляться домой, первым рейсом вылетела в Россию. Уже на борту авиалайнера у нее вспыхнула мысль, что неплохо было бы остаться за границей навсегда. Но эта мысль тут же погасла.

За границей хорошо, когда у тебя есть деньги. И еще лучше, когда за тобой не охотятся. А за ней охотиться будут – организация так просто ее не отдаст...

* * *

Марта уже думала, что заказ на Никиту Брата аннулирован. Люба сказала, что заказанный объект куда-то пропал. А заказчик погиб.

Но через время она пришла снова. И вновь перед Мартой все та же фотография.

– Объект появился, – сказал Люба. – Так что будь наготове.

– Но ведь ты же сказала, что заказчик погиб...

– Заказчик погиб. Но он заплатил деньги. Поэтому объект должен быть ликвидирован.

Люба говорила так, будто речь шла о чем-то неодушевленном. Впрочем, это было неудивительно...

– Но это же бессмысленно... Кому нужна эта смерть?

– Это не наши проблемы. Наша проблема в другом – поддерживать имидж нашей фирмы на высоком уровне.

Люба несла какой-то бред. Но спорить с ней было бесполезно.

* * *

Чернявый худощавый парнишка избегал смотреть ей в глаза. Словно не хотел, чтобы она запомнила его лицо. Или сам боялся запомнить ее. Да оно и понятно. Марта – высококлассный киллер, в его глазах она – богиня смерти. А он всего лишь водитель. Настоящий ас, суперпрофессионал. Но лишь водитель...

Его задача вывезти ее к объекту, обеспечить отход.

Месяц ноябрь, холодно. Но Марта одета легко. Удобная кожаная куртка, черный берет, надвинутый на глаза, солнцезащитные очки на пол-лица. Но в машине тепло – ей не холодно. А выходить на улицу она не собирается.

Она знала: движимый какой-то чудной идеей, Никита Брат возвращается домой в солдатской форме. Будто в игру какую-то играет. И лицо у него такое счастливое, в глазах задорный огонек.

Ну хоть убей, на жестокого бандита он никак не похож. Но... Но тем не менее Марта должна его убить.

Марта видела, как рядом с ним затормозила иномарка. Появились какие-то мордovorоты в кожаных куртках. Набросились на Никиту. Но получили отпор. Один за другим познали на себе силу крепкого мужского кулака.

Но потом появился какой-то амбал непомерных габаритов. А за ним вылез еще один урод... Марта не могла поверить своим глазам. Это был он. Тот самый подонок, который ее изнасиловал... Свет померк перед ее глазами, ненависть втянула в круговорот все ее мысли.

– Вперед! – скомандовала она водителю.

Тот сделал все правильно. Быстро доставил ее к месту, вовремя остановился. Боковое стекло плавно опустилось, Марта вытянула руку с пистолетом. И тут же выстрел.

Она никогда не стреляла в голову. Но в этот раз внутренний тормоз не сработал. И она даже с каким-то злорадством выстрелила в него.

Возможно, именно этот гад выбил ей зубы тогда, в ночь выпускного бала. Садист, извращенец. Но прежде всего он нелюдь. И Марта рассчиталась с ним сполна. Первая пуля выбила ему зубы. Вторая через лоб смешала его подлые мысли...

Она отомстила. Но пока только одному. Остались еще двое. И, возможно, один из них как раз избивал жертву, Никиту Брата. Марта выстрелила, попала в гиганта. И тут поняла – это не тот. Тогда она выстрелила в Никиту. Но он вовремя спрятался за человека-гору.

А тут послышался вой милицейских сирен, и водитель сорвал «шестерку» с места. Милицейская машина села им на хвост. Но куда водителю в погонах против профессионального автогонщика...

Марта отомстила за свое унижение и позор, рассчиталась за свою загубленную жизнь. Но только на одну треть. Из трех подонков остались двое. И ее больше заботило, как добраться до них. Из-за того, что упустила Никиту Брата, она почему-то вовсе не переживала.

Но появилась Люба. Вместе с Анкой. Они отчитали ее за сорванную акцию. И даже оштрафовали на пять тысяч долларов.

«Не нужны мне ваши деньги!» – хотела крикнуть Марта.

Но не крикнула. Слишком хорошо она понимала, среди каких людей находится. Все вокруг нее черствые, бездушные. И она сама зачерствела. Она замечала, что все реже думает о Любе как о родной сестре...

«Делай что хочешь, но объект должен быть ликвидирован, – приказным тоном сказала ей Люба. – Действуй одна, поддержки тебе не будет...»

Пришлось самой садиться за руль автомобиля. И выслеживать Никиту. И она выследила его.

Это было что-то необычное. Она видела, как он уходил куда-то в лесопарковую зону, как за ним туда же направились трое братков. Обрато он вышел один. Уехал на захваченном джипе. А потом стрельба в ресторане. Это потом она узнала, что Никита расстрелял шестерых.

А затем он избавлялся от машины. На такси кружил по городу. И все это время Марта в своей машине висела у него на хвосте. И узнала, в каком доме он снял квартиру.

Она могла бы подкараулить его где-нибудь да всадить в него пулю. Но, во-первых, она не очень хотела этого делать. Парень все больше нравился ей. А во-вторых, он сам профессионал. И постоянно начеку. Марта умела стрелять быстро. Но он мог выстрелить еще быстрее...

Марта подкараулила его у входа в магазин. И разыграла перед ним сцену с апельсинами. Но игра не получалась. Вернее, все было прекрасно. Но не потому, что она играла, а потому, что она была сама собой. Она не могла объяснить себе почему, но перед Никитой ей хотелось ощущать себя слабой, беззащитной женщиной. Она таяла перед ним, как снег в кулаке...

Никита наклонился, чтобы собрать с земли апельсины. И перед ней открылась отличная возможность всадить ему пулю в спину. Но Марта не воспользовалась моментом. Не смогла...

Он был таким внимательным, заботливым, нежным. Его сияющий взгляд, его пылкие слова, его чувства... Похоже, он влюбился в нее. А уж она втрескалась в него – это точно...

Но все еще стояла перед ней задача ликвидировать его.

Никита вызвался помочь ей. Она не могла устоять перед ним. И повезла его на свою квартиру. Вместе с ним жизнь вдруг превратилась в сказку. Она ничего не могла поделать, когда его губы касались ее губ, руки нежно и легко скользили по ее телу.

У Марты никогда не было любимого парня. Близость с мужчиной казалось ей чем-то ужасным. И все из-за тех подонков...

Но Никита исцелил ее душевную рану. Его теплота и нежность растопили лед в ее крови. Она стала обыкновенной женщиной, ей вдруг захотелось испытать острый миг сексуального наслаждения. Никита был ласков с ней. И она легко подпустила его к себе. Но в последний момент ей стало страшно. И Никита понял это. Отступил.

Не нужно было никаких объяснений, никаких слов любви. Марта и без того поняла, что Никита по-настоящему любит ее. Так понимать женщину может только любящий мужчина...

А утром снова пришла Люба. И опять претензии. Почему она не ликвидировала объект?..

Для нее Никита – всего лишь объект ликвидации. А для Марты – он самый любимый на свете мужчина. Как она могла его убить?..

И все же Люба достала ее. И сознание Марты затуманила черная мгла. Она была готова застрелить Никиту. И какое-то время даже стояла перед ним с пистолетом за спиной. А он так мирно и сладко спал... Нет, она не могла застрелить его. Она легла к нему, обняла его, заплакала.

Она сама для себя расставила западню. Сама в нее и угодила...

Тем днем она перебралась к нему домой. И снова попыталась переступить через себя. Подсыпала яд в шампанское. Но прежде чем прикоснуться к бокалу, Никита долго нежил ее и ласкал. Она изнывала от счастья и любви. И когда он собрался выпить, она выбила бокал из его руки...

Все, больше она не в силах была желать ему смерти. Отныне она лучше бы убила саму себя, чем его...

А потом появились они. Второй из трех подонков, а с ним трое головорезов.

Никиту приковали наручниками к батарее. А в спальню, где оставалась Марта, ворвался тип с нахальной рожей. Похабная улыбка, грязные ругательства... Марта с удовольствием вогнула в него две пули. Тот даже пикнуть не успел.

Хорошо, она еще с вечера принесла свою сумку в эту комнату. Будто знала, что ее ждет.

А потом появился второй негодяй. Хотел помочь своему сообщнику. И отправился на тот свет вместе с ним.

Марта быстро оделась. И вышла в коридор. Там никого. Зато в гостиной двое и Никита, распятый у батареи. Среди непрошенных гостей тот самый негодяй, второй из трех насильников... Она узнала его. И выведала, как найти третьего подонка. А потом она его застрелила. Она еще на шаг приблизилась к своей цели.

Но при этом выдала себя. Ей пришлось открыться перед Никитой. Рассказать ему, кто она такая и почему ей нужно было убить этого ублюдка по кличке Валек. Только не рассказала ему, что должна была убить его самого.

Никита не охладел к ней. Он как будто простил ее. Хотя – сам сказал – прощать ее было не за что. Не человек выбирает судьбу, а судьба человека... Но он не хотел, чтобы Марта продолжала идти по кровавому пути. И предложил ей избавление...

Он сильный, он не знает страха. И умеет бить первым. Поэтому он всегда побеждает. Правда, один раз оплошал, в случае с Вальком. Но тогда ему на помощь пришла Марта. Получилось, вместе они все, им по силам любое дело...

Вместе они дадут бой организации, на которую работала Марта. И они победят...

Но не об организации думала Марта, когда убивала свою сестру. Она думала о Никите. Ведь Люба хотела его убить. Именно за этим она к ней и пришла. Это называлось исправить ошибку.

Но Никита не ошибка. Он – самое дорогое, что появилось у Марты за последнее время. Пусть она потеряла сестру, которая уже давно превратилась в бездушного робота. Зато она нашла Никиту. И никому его не отдаст. Даже Любе...

Она застрелила свою родную сестру. Сестру, которая направила ее на кровавый путь. Люба – ее злой демон. Люба – это ее ад... Но она ее сестра. Родная сестра...

* * *

– Я не могу в это поверить... Я не могу...

Марта отстранилась от Никиты и склонилась над телом своей сестры. Но не заголосила, не набросилась на Никиту с проклятиями. Она даже перестала плакать. Глаза остекленели, сама она превратилась в каменное изваяние.

Никита взял в руку ее пистолет. Отличная карманная игрушка знаменитой германской фирмы «Кехлер и Кох». Смертельная бесшумная игрушка. Игры с сестрой закончились смертью последней...

– Почему она хотела меня убить? – спросил он.

Марта молчала. Ни одна черточка не шелохнулась на ее восковом лице.

– Она должна была исправить твою ошибку... Как это понять?..

И снова в ответ тишина. Будто в пустоту обращался Никита.

– Ты должна была меня убить?..

Вот тут Марта ожила. Испуганно посмотрела на Никиту. Пошевелила губами.

– Да... Я должна была тебя убить... Но не смогла...

Марта застрелила Рваного. Убила человека-гору. И в Никиту тогда стреляла. А ведь могла попасть... Апельсины на тротуаре. Встреча с ней. Это не было случайным знакомством. Марта нарочно все подстроила. Она должна была его убить... Но не смогла... И даже расправилась со своей собственной сестрой, чтобы спасти его...

– Почему?.. Почему ты должна была меня убить?

– Тебя заказали...

– Кто?..

– Не знаю... Я ездила за тобой на Канары...

– На Канары?..

Теперь Никита понял все.

Витал. Это все Витал... Все это было так давно. И все это было так недавно.

Вместе с Виталом их погнали из команды Кэпа. Вместе с Виталом они сражались за свое место под солнцем. Вместе с Виталом они с триумфом возвратились в команду. Витал стал всем, а Никита... Никиту задвинули на задний план.

Мало того, Витал отобрал у него любовницу. А самого отправил на Канары. Но капитан Светлов предупредил его, что готовится убийство. Поэтому Никита отправился на острова чуть позже. А до этого расправился с Виталом.

Витала больше нет. Но остался киллер, которого он направил по следу Никиты. И этот киллер – Марта. В это просто невозможно было поверить...

– Я знаю, кто меня заказал... Но ведь этого человека нет...

– Мне это известно. Но Люба настаивала... Есть такое понятие – репутация фирмы. Она говорила, деньги заплачены... Она говорила...

Марта тупо уставилась на труп своей сестры. И еле слышно прошептала:

– Больше она ничего не скажет...

Никита опустил на колени рядом с Мартой, прижал ее к себе, поцеловал. И тихо сказал:

– Она больше не заставит тебя убивать...

Марта вздрогнула.

– Да, я больше никого не буду убивать, – замороженно прошептала она. – С меня хватит... Я больше не могу... Будь оно все проклято...

Никита еще крепче прижал ее к себе.

– Все правильно, дорогая. Мы заживем новой жизнью. И в этой жизни больше не будет смертей... Но сначала...

– Но сначала ты должен вывести меня из игры.

– Совершенно верно... Мы ударим вместе. Быстро, внезапно. Мы развалим этот синдикат смерти. Мы отомстим за тебя...

– Не надо мстить... Хватит... Хватит мстить... Я не хочу. Я ничего больше не хочу...

У Марты началась истерика. И Никита не мог придумать ничего лучшего, как сходить на кухню, налить ей полный стакан водки и заставить выпить.

Марта немного успокоилась. Но сильно опьянела. И ни о чем серьезном с ней не поговоришь. Никита снова заставил ее выпить. Марта успокоилась совсем. Но заснула мертвым сном...

Пришлось Никите потеть самому.

На балконе он нашел коробку от холодильника и упаковочную полиэтиленовую пленку. Туда же, на балкон, на мороз, он вытащил тело убитой женщины.

С ума сойти – Марта застрелила свою собственную сестру. Застрелила, спасая жизнь Никиты. Вот, значит, как сильно девчонка влюбилась в него. А не было бы любви, лежать бы сейчас Никите на балконе и коченеть на морозе.

Прежде всего Никита навел порядок в коридоре. Вытер с пола кровь, скатал окровавленную дорожку, вынес ее на балкон. Труп закоченел, Никита упаковал его в полиэтилен, обмотал ковровой дорожкой, упаковал в коробку.

А что делать дальше?..

Машина Марты стояла в гараже. Плохой гараж, из листового железа. И не охраняемый. Но этот минус сейчас оборачивался плюсом. Ключи он нашел у Марты в сумочке.

Возможно, сестра Марты приехала на машине. Никита пытался найти у нее ключи, но их не было. Может быть, Люба приехала на такси.

Во дворе он не обнаружил ни одной бесхозной машины. Значит, его версия о такси верна...

В гараже было холодно. Казалось, машина до смерти замерзла в нем. И не заведется ни за что на свете. Но нет, «восьмерка» завелась с пол-оборота. Вот что значит новенький аккумуля-

мулятор. Пока прогревался двигатель, Никита решил обследовать гараж. Интуиция подсказала ему заглянуть под пустую бочку из-под бензина. И он обнаружил под ней тайник. Арсенал киллера. Два автоматических пистолета иностранного производства. Знакомая система – «глок-17». Полдюжины нулевых «тотош» – самые дешевые в производстве и самые убийные пистолеты «ТТ». Все «стволы» в комплекте с глушителями. А еще несколько взрывных устройств заводского изготовления на магнитных присосках.

Все это Никита оставил в гараже. Себе взял «ТТ». Привык он уже к этой системе. Пистолет он спрятал под сиденье. И только после этого выехал из гаража и подъехал к дому.

На улице мороз. Но Никита основательно вспотел, прежде чем труп оказался в багажнике. От тяжести и душевного напряжения. Боялся, вдруг наткнется на кого-нибудь из соседей Марты, вызовет подозрение своей ношей. Но все вроде бы обошлось. В полночь он отправился в путь.

Все складывалось удачно и дальше. Он добрался до одного известного ему кладбища. Нашел сторожей. Выставил им на стол литровую бутылку «Абсолюта».

– Мужики, надо поработать...

Те даже не стали спрашивать, в чем заключается работа. Видимо, такие ночные визиты для них были не в диковинку. Смутные времена, дикие нравы, кровавые законы. А в итоге незаконные трупы. Их нужно предавать земле.

Само собой, бутылку мужики взяли. А потом некоторое время молча изучали Никиту. Будто хотели определить, какой он породы зверь. Шибко крутой, просто крутой или так себе.

И наконец один выдал:

– Штука баксов на двоих...

Наверняка Никита попал в разряд «так себе». Возможно, для крутых имелись более щадящие расценки. А шибко крутые не платили вообще...

– Сам понимаешь, – добавил второй, – мороз...

Деньги и водка выгнали мужиков на холод. За три-четыре часа ударными темпами они вскрыли одну заброшенную могилу, упаковали в нее труп.

Никита дождался, когда они закончат работу, вернут все на свои места. И уехал только после того, как убедился, что двойная могила не вызывает никаких подозрений...

Было уже утро, когда он вернулся к Марте. Она все еще спала, в той же позе, в какой он уложил ее на кровать. Ему и самому хотелось спать. Но сначала горячий душ. А потом ему захотелось есть. Пришлось готовить завтрак. Яичница с беконом. На всякий случай он рассчитал на две порции. И не зря.

Проснулась Марта. И первым делом на кухню.

– Дорогой, – она прижалась к нему. – Ты уже одет?..

У нее была сонная, но довольная улыбка.

Он хотел сказать, что не уже, а еще одет. Но отделался коротким:

– Угу...

– У тебя так вкусно пахнет...

– Стараюсь... Умывайся и за стол.

– Да, сейчас...

Марта подошла к окну. Глянула вниз. На сонном лице тень озабоченности.

– Ты чего-то боишься?..

– Нет, что ты...

– А мне кажется, боишься... Как будто кто-то должен прийти...

– Вообще-то да...

– Кто? Подруга Любы?

– Подруга Любы?.. А ты откуда про нее знаешь?

И тут Марта вспомнила все. Ее затрясло, ноги ее подкосились. И со страдальческой гримасой на лице в изнеможении она опустилась на стул.

– Значит... Значит, это был не сон...

Она закрыла лицо руками и согнулась в пояс. Никита думал, с ней снова случится истерика. И на всякий случай наполнил стакан водкой. Поставил его перед ней.

Марта разогнулась. Убрала руки. Лицо ее было на удивление спокойным. Только пугающая пустота во взгляде. Она увидела стакан водки и осушила его несколькими судорожными глотками.

– Я застрелила свою сестру, – отрешенно глядя куда-то мимо Никиты, сказала она. – Я не могу в это поверить...

– А ты не верь, будет легче.

– Я не хочу верить... Ты куда ее дел?

– Туда, откуда не возвращаются... Она уже в земле.

Никита наполнил и себе стакан, до краев. Марте плеснул всего на два пальца.

– Пусть земля ей будет пухом...

Марта держалась на удивление спокойно. Они выпили.

– Это все равно должно было когда-нибудь случиться, – сказала она, словно оправдываясь перед собой. – Такая у нас профессия...

– Была... Была профессия.

– Да, была... Я больше не буду убивать.

– Конечно, нет... Только сначала нам нужно избавиться от ненужной тебе опеки.

– Нам не справиться с организацией...

– Это так только кажется. Глаза боятся, а «господин Кольт» делает.

– Я знаю, ты можешь все. А вот я уже ни на что не способна... Я сломалась. Я больше никого не смогу убить...

– Ты не сломалась. Ты восстановилась. Ты стала нормальным человеком... У нас будет свой семейный очаг. Ты будешь его хранительницей. А я буду охотником. И буду охотиться один...

Марта ничего не ответила. Она потянулась к бутылке. Но Никита опередил ее. Сам налил ей «успокоительного». И отнес ее на кровать, когда ее успокоил пьяный сон.

И сам лег. Очень хотелось спать. Да и водка действовала.

Проснулся он под вечер. Кто-то звонил в дверь. Марта спала и никак не реагировала на звонок. А он был все настойчивее...

Никита попытался растормошить Марту. Но та только мычала в ответ. И ни за что не хотела просыпаться. Пришлось вставать самому. Он впрыгнул в джинсы, быстро напялил на себя рубашку. Пустил ее поверх брюк. Не застегивал. Под нее сунул ствол. Он не забыл забрать из машины новенький «ТТ».

В дверях был «кривой» «глазок». В него можно было смотреть без риска получить пулю в глаз. И с внешней стороны не видно, что кто-то приложился к нему.

Никита увидел на лестничной площадке женщину. Чем-то очень похожую на Любу, сестру Марты. Та же гордая осанка, та же деловая строгость во всем – и в выражении лица, и в одежде.

Он вспомнил, что Марта рассказывала про какую-то Анку, подругу сестры. Анка-пулеметчица... Анка-киллер...

Женщина уже собиралась уходить, когда Никита открыл дверь.

– Здравствуйте!..

Он нарочно набросил на лицо идиотскую улыбку.

Женщина ничего не ответила. Только удивленно и настороженно посмотрела на него.

Зато Никита, казалось, млел от удовольствия видеть ее перед собой.

– Вы, наверное, Люба?

– Нет, я не Люба, – высокомерно ответила женщина.

Она очень внимательно вглядывалась в Никиту. Как будто узнавала его... Этой-то реакции он от нее и ожидал.

Если это Анка, то она, возможно, должна узнать его. Вместе с Любой она контролировала Марту. Или даже стояла на ступень выше ее сестры. Так или иначе, она могла узнать Никиту по фотографии, которую им предоставил Витал...

Правая рука Никиты лежала на рукоятке готового к бою пистолета.

– Где Марта? – жестко спросила женщина.

Будто сама собой ее рука необычно быстро юркнула в сумку. Задержалась там всего на долю секунды. И потянулась обратно... Видимо, это движение было отточено до совершенства.

Но Никита опередил ее. Он резко распахнул дверь. Схватил женщину за ворот норкового манто. И мощным рывком притянул ее к себе. Да так, что рука ее осталась заблокированной в сумке вместе с пистолетом. Его «ТТ» ткнулся ей в живот.

Бей первым!.. Никита не проשляпил момент и сейчас. Ударил первым. Но пока еще рано праздновать победу...

– Только не дергайтесь, мадам...

Он постарался придать своему голосу как можно больше угрозы.

– Что это значит? – задыхаясь от досады и ярости, прошипела она.

Никита с силой потянул ее на себя, вместе с ней втянулся в глубь квартиры. Ствол пистолета по-прежнему глубоко был вдавлен ей в живот.

Он не хотел этого делать. Но пришлось. У него просто не было иного выхода. Он оттянул голову назад и врезал женщине лбом в переносицу. А вдруг она каратистка какая-нибудь или самбистка? Если с ней церемониться, она может захватить инициативу...

Никита ясно понимал, что вляпался в историю, где на каждом шагу могут поджидать сюрпризы. И чтобы не попасть впросак, он должен вести игру на опережение. Чуть зазеваешься, чуть отстанешь – и все, можно заказывать себе траурный венок...

Женщина оказалась крепкой. Удар был очень сильным, но она выдержала его. И не отключилась. Но основательно поплыла. И на какое-то время стала относительно безопасной. Никита сполна использовал это время и уложил ее на пол лицом книзу.

Он быстро захлопнул дверь, обыскал женщину, забрал у нее сумку. И точно, там лежал пистолет. Небольшой «браунинг» без глушителя.

Никита не стал снимать с нее шубу. Лишь приспустил ее на руках так, что она как наручники стесняла ее движения. Вдобавок ко всему он втащил ее в комнату. И поставил на нее стул, зажал ее между ножками. И сел на него. А еще вытащил из сумки паспорт, раскрыл, глянул на первую страницу.

– С-сука! – послышалось снизу.

– Приятно иметь дело с благовоспитанной леди, – усмехнулся Никита. – Насколько я помню, сука – это литературное слово...

– Падла!..

– А это что-то из уголовного лексикона. Ай-яй-яй, как нехорошо...

– Ты еще пожалеешь...

– Кого?.. Вас, мадам?.. Что ж, может, и пожалею вас. На вашей могилке...

Женщина замолчала. Видно, ярость душила ее. Слова застревали в глотке.

– Любы нет, – будто о чем-то обыденном сказал Никита. – Нет и не будет. Она вышла. И Марты нет... Тоже вышла. Все вышли... Только вы, уважаемая Анна Батьковна, остались. Но это ненадолго... Сейчас наряд вызовем, и вся недолга...

– Какой наряд? – встрепенулась Анка.

– Как какой? Милицейский, какой же еще?.. Ах да, извините, гражданка. Забыл представиться. Старший лейтенант милиции Иван Голубев.

– Корочки покажи.

– А как же, обязательно... В отделении покажу.

– Врешь. Ты не мент!..

– А кто же я?..

– Ты... – Анка запнулась. – Не знаю, кто ты...

– А вот и неправда. Я Никита Германович Брат. Меня, уважаемая Анна Батьковна, заказал некий бандитский авторитет по кличке Витал...

Женщина затравленно молчала. А Никита вдохновенно продолжал:

– На меня открыли охоту. И даже чуть не убили... Ваша промашка в том, что вы не до конца разобрались в личности человека, которого вам заказали. Если бы вы копнули глубже, возможно, вы бы узнали, что некий Брат Никита Германович – это липа. За ним скрывается старший лейтенант Голубев, сотрудник отдела по раскрытию заказных убийств Главного управления по борьбе с организованной преступностью... Кстати, Марта и Люба уже дают показания...

– Врешь!..

Женщине было явно не по себе. Загнанная в угол, она была близка к отчаянию.

– Скоро вы убедитесь, что я не вру... Вам будет устроена очная ставка. Возможно, гражданки Марта и Любовь Булыгины в вашем присутствии подтвердят свои показания. Они, между прочим, во всем обвиняют вас... По их показаниям, вы, гражданка Макухина, организатор, а также исполнитель заказного убийства... А они якобы ни при чем. Потому я жив... Что ж вы так оплошали? Почему не смогли подобраться ко мне?..

– Это не мое дело...

– Вот только не надо говорить, что вы здесь ни при чем. И что гражданки Булыгины оклеветали вас... Я им верю. А вам, извините, нет...

– Но ведь они врут...

– Так я и знал... Ладно, устроим очную ставку... Хотя... Хотя в принципе нам вы не нужны.

Поэтому я здесь один... Вы же знаете, зарплата у ментов маленькая...

– При чем здесь зарплата?

– Ну как же, вы должны меня понять... Мне нужны деньги...

– Сколько?

– Чем больше, тем лучше... Думаю, сто тысяч долларов меня устроят... Надеюсь, вы понимаете меня. Сто тысяч долларов – это сумма вашего выкупа. Вы мне деньги, я вам свободу...

– Хорошо, ты их получишь... Только убери этот проклятый стул. И дай мне сесть...

– Куда?

– На диван.

– А я, грешным делом, подумал, что вы хотите сесть в тюрьму...

– Вот зараза!.. Ну, ты встанешь?

– Потихе, потихе, гражданка... У меня еще к вам пара вопросов.

– Ну?..

– Меня интересует структура вашей фирмы.

– Какой фирмы?

– Я имею в виду фирму, которая торгует смертью.

– Слушай, мент! Мы об этом не договаривались. Я тебе даю бабки. Ты меня отпускаешь...

И ничего я тебе говорить не буду...

– Вы ошиблись, мадам. Я не мент. И никогда ментом не был... А тебя, мокрушница помойная, я развел как последнюю тварь. Развязала ты свой поганый язык... Нету твоей Марты.

Нету твоей Любки... В расход их пустил. В соседней комнате они обе лежат. И ты сейчас рядом с ними ляжешь...

Для убедительности Никита приложил «ствол» к ее голове и с силой нажал на нее.

– А-а, – взвыла Анка.

– Чо ты воешь, тварь?.. Это еще не смертельно...

– Отпусти!..

– Что, ссышь, когда страшно?.. Правильно, бойся. Я ведь не прошу тебе, что ты лапу свою поганую на меня подняла. Завалить меня хотела, сучка паршивая...

– Это не я...

– Кто?

– Заказ сверху пришел.

– От кого?

– От Зойки...

– Кто такая Зойка?

– Она у нас старшая.

– Типа, черная мадам. Типа, президент вашей гнилой фирмы... А эта Зойка под кем ходит?

– Я не понимаю...

– А чего тут понимать. Есть президент фирмы. Должен быть и учредитель...

– Она все сама...

– Ладно, насчет учредителя поверю... Но должна же быть еще «крыша».

– Какая «крыша»?.. Мы сами себе «крыша»... У нас больше десятка исполнителей высокого класса. Плюс люди, которые на них работают...

– Значит, вы сами кого угодно под свою «крышу» взять можете...

Анка промолчала. Похоже, она поняла, что и без того сказала слишком много.

– Меня интересует Зойка. Фамилия, отчество...

– Не знаю.

– Как на нее выйти?

– Не знаю... У нас конспирация. Трехуровневая система отношений...

– Значит, ничего не знаешь...

– Нет.

– Тогда мне придется тебя убить. А зачем ты мне нужна, если ты ничего не знаешь?..

Никита напустил на себя полнейшее безразличие. Именно в таком состоянии убивают настоящие киллеры. Именно с таким выражением на лице, возможно, убивала сама Анка. Именно поэтому она испугалась, дошла до последней черты страха.

– Не надо... Я знаю... – в ужасе заговорила она.

– Что ты знаешь?

– Зоя Кречет... Отчества не знаю...

– Кречет – это кличка?

– Нет, фамилия.

– Так, понятно... Как на нее выйти?

– Я знаю только телефон диспетчера. Но через него на Зою не выйти. Там тройная система защиты...

– Откуда ты знаешь, что именно тройная?

– Так сама Зоя говорила.

– Как часто вы с ней встречаетесь?

– Когда она сама этого захочет.

– А если этого захочешь ты?

– Ничего не получится...

- Ты говорила о трехуровневой системе конспирации. Что это значит?
 - Киллер-организатор-бригадир...
 - А дальше через диспетчера Зоя. Так?
 - Да...
 - Марта – киллер, Люба – организатор. Так?
 - Да...
 - Сколько на Любу замыкалось киллеров?
- Никита сделал особый упор на прошедшем времени.
- Три...
 - А ты, я так понял, бригадир... Сколько на тебя замыкается организаторов?
 - Два...
 - Сколько у вашей Зои бригадиров?
 - Тоже два...
 - Вот видишь, а говоришь, ничего не знаешь.

Никите повезло. Если, конечно, можно верить этой женщине. Анка – бригадир, следующее после нее звено – некая Зоя Кречет. Черная мадам.

Никита понял, разговор предстоит долгий и обстоятельный. Нужно выжать из этой женщины все, что она знает, все, о чем она догадывается.

Для начала он пережал Анке сонную артерию, «выключил» ее. Затем снял с нее шубу, стянул сзади руки веревкой, усадил в кресло. И только после этого привел ее в чувство...

На нее нельзя было смотреть без жалости. Удар в переносицу не прошел бесследно, огромная шишка разошлась в обе стороны, глаза затекли, налились синяками. Но Никита ее не жалел. Эта женщина – убийца. Раньше она убивала сама. Сейчас – руками других. И с легкостью дала распоряжение убить Никиту. И только чудо спасло его от киллера. Чудо и любовь...

Он работал над ней всю ночь. Давил на нее психологически, провоцировал, ловил на словах. В конце концов он вытряс из нее все. А потом пришло понимание, что Зоя Кречет держит под собой крепкую организацию. Она сама по себе прочно стоит на ногах. И ей не нужны покровители свьше.

Это не просто киллерская команда. Это мафия. Это могущественный синдикат смерти. И в одиночку с ним Никите не справиться.

Но у него были союзники. Вернее, люди, которые могли ими стать. И если он заручится их поддержкой, можно рассчитывать на успех.

А победа ему нужна. Он должен вырвать Марту из объятий смерти.

Глава 5

- Что-то не везет сегодня.
- Ага, не клюет... Домой едем?
- Да рано еще...
- Ничего себе рано! Первый час ночи...
- Ну поехали. Все равно деваться некуда... Кстати, может, мой братан уже домой вернулся...
- Сева?
- Ну да, больше некому.
- Так он уже что, отсидел свое?
- Ну да. Семь лет, от звонка до звонка...

Два молодых человека в теплых куртках из дерьмовенькой кожи и вязаных шапочках а-ля спецназ с разочарованными физиономиями стояли на автобусной остановке. Мороз градусов двадцать, ветер, и тишина. Только мертвых с косами не хватает. А еще лучше пару сочных телок. Но ни тех, ни других...

Автобус ушел совсем недавно. И увез с собой шумную толпу, свалившую с дискотеки. Паша и Гена тоже были среди них. Но припозднились – к девчонкам каким-то привязались, с собой хотели увезти. Да только те ни в какую. Только время на них потратили. А теперь вот стой из-за них на пустынной остановке, на холоде. И не известно, будет ли еще автобус...

До городка и на тачке добраться можно. Редко-редко, но машины ходят. Только в карманах пусто. Есть лишь «НЗ» – на девок. Тратить его нельзя – сегодня клева нет, зато может повезти завтра. А еще бутылка самогона есть. Тоже в расчете на случайных подружек, если не особо привередливые попадутся, конечно.

- Вмажем из горла, а? – предложил Паша.
- Ага, для сугрева...

Гена достал из внутреннего кармана куртки бутылку. Сорвал пробку. Поднес горлышко к губам. Горькая вонючая жидкость с натугой прошла внутрь, обожгла глотку. Гадко на вкус, зато такой кайф по крови...

- Теперь ты...

Паша также взял бутылку. Но ко рту поднести не успел. Мимо на большой скорости пронесся красавец-джип «Чероки». И вдруг резко начал сбавлять скорость. Остановился и дал задний ход. Подъехал к ним. Плавно опустилось стекло. Показалась симпатичная мордашка, девушка лет двадцати.

- Какие мальчики!.. – жеманно протянула она.

Пашина кровь разогрелась и без самогона. И дух захватило. Как же, такая тачка, такое приключение...

- А с нами поделитесь? – кокетливо спросила вторая девушка – она сидела за рулем.
- А то...
- Ну тогда садитесь. Чего на холоде стоять?..

Паша и Гена переглянулись и полезли в машину. А в салоне тепло, комфортно, музыка тихо играет.

- Наливай! – озорно улыбнулась им девушка с переднего сиденья.

Она достала из «бардачка» пластмассовый стаканчик и протянула им. Паша не заставил просить себя дважды. Девушка хлобыстнула сто граммов первача и даже не поморщилась.

- Покатаемся? – спросила та, которая за рулем.
- Да без проблем! – вольготно раскинувшись на заднем сиденье, ответил Гена.

Обычно он сам «снял» баб. А тут, похоже, «сняли» его. И он совершенно не чувствовал унижения. Напротив, даже гордился собой. Если на него запали такие крутые девчонки, значит, он чего-то стоит.

Джип взял с места в карьер и помчался по заснеженной дороге. Мимо их городка машина пронеслась на всех парах. Пошла дальше. Но Паша и Гена этого не заметили. На улице холодно, ни души. А в машине красота. И какие девчонки!.. Время летело незаметно.

Оля и Таня – так звали их новых подруг – также имели кое-что про запас. За первой бутылкой пошла вторая. Настоящая водка.

По трассе они ехали около часа. Затем свернули на проселочную дорогу. Еще минут сорок пути, и машина остановилась возле богатого двухэтажного дома из итальянского кирпича. Высокий забор из прочного листового железа. Похоже на дачу. Только одна особенность – дом этот стоял в открытом поле, никаких других строений в округе почему-то не наблюдалось.

Джип въехал во двор, и за ним автоматически закрылись тяжелые металлические ворота.

– Выходите, мальчики, приехали! – бодро возвестила Оля.

Паша и Гена не заставили себя долго ждать.

– В сауне попариться не желаем-с? – спросила Таня.

Она выбралась из машины вслед за ними. И демонстративно поежилась от холода. – Да без базара...

Гена уже чувствовал себя неотразимым героем-любовником. Любое море было ему сейчас по колено.

С одной стороны к дому примыкало строение размером в три-четыре гаража. Это была сауна. Так что далеко идти не пришлось.

Сауна высший класс. Не примитив какой-нибудь. Предбанник с раздевалкой, просторная комната с дорогой мебелью для отдыха и застолья. Дальше душевые, зал с бассейном, парилка. Все оформлено с выдумкой, со вкусом.

Оля и Таня начали раздеваться первыми. Никаких комплексов по этому поводу. Это донельзя раззадорило парней. Они также стали срывать с себя одежду. Но куда им до девчонок – те разделлись первыми и прошмыгнули в парилку. Но фора у них крохотная – минута-две. Гена и его друг успели нагнать их еще до того, как они разлеглись по полкам.

И у Оли, и у Тани фигурки ничего. И у той, и у другой полные упругие груди, развитые ягодицы. И габариты почти идеальные: девяносто – шестьдесят – девяносто. Только ноги излишне крепкие, мускулистые, и на руках мышцы проглядывают, на плоских животах мышечный рельеф хорошо угадывается. Ни у той ни у другой лишнего жира ни капли...

Гена не мог сдержаться и, как оголодавший зверь на кусок мяса, набросился на Таню. А та тому только и рада. Она подалась ему навстречу с плотоядной улыбкой...

Он лежал на кушетке и обессиленно смотрел в потолок. Это ж надо, будто танк по нему проехался. Никак не думал, что девушка может быть такой сильной и напористой. Сеанс дьявольского секса – иначе он не мог назвать то, что произошло между ним и Таней. Как бешеная она крутилась под ним, скакала на нем. И такое вытворяла... Все силы из него выкачала, все соки выжала. Сейчас она как ни в чем не бывало сидела за столом и что-то ела. А он лежал на кушетке. Не было сил даже пошевелиться. Он чувствовал себя удовлетворенным. Даже гораздо больше – изнасилованным... Только заявление в милицию он подавать не будет. Оказывается, быть изнасилованным – это такая прелесть...

– Ты настоящий жеребец, мой красавчик! – пропела Таня и подошла к нему с бокалом в руке. – Выпей вина, будешь еще сильнее...

И загадочно улыбнулась. Понятно, сегодня силы ему еще понадобятся. И не раз...

Гена не стал ломаться и хлебнул вина. Оно приятно вскружило голову. И кровь запыхала. И его безжизненный «червь» стал пробуждаться, наливаясь силой... Все бы ничего, но его сознание окутала прозрачная пелена.

Будто в тумане он увидел лицо девушки. И ее фигуру. Она была совершенно голая. Только это не Таня. Это Оля. Но ведь она же вроде с Пашей... Да какая к черту разница?.. Гена как одержимый набросился на девушку, завалил ее на кушетку и с ревом вонзил в нее свой черенок. И тут же почувствовал ответные движения под собой. И стоны, стоны...

* * *

Зоя стояла у окна в верхней комнате и наблюдала за тем, как грузят в машину трупы двух парней.

За что боролись, мальчики, на то и напоролись. Девоч хотели поднять, а вышло наоборот. Не они, а их имели. Да еще как!..

Один, самый симпатичный, достался ей. Паша его звали. Неплохо он свое дело знал. Старался. Только его хватило всего на час. Пришлось допинг ему в вино подсыпать. Мощный допинг. Он заставляет организм работать на износ. Самой Зое допинг не понадобился. Она обожала секс. Могла обходиться без него неделями, но если дорывалась... Она трахала Пашу до самого утра. А потом он потух. Отключился от усталости. Заснул.

А второго парня – Гена его звали – девки в режиме конвейера заставили работать. Девчонки ее крепкие, до секса охочие, всегда им мало. Дорвались до мужика, всю ночь измывались. На допинг его посадили. Весь его ресурс выработали. Кончал, кончал парень, а потом кончился. Помер, не выдержало сердце.

И Пашу кончили с ним заодно. А куда его девать? Не отпускать же...

Отмучились хлопчики. Теперь их тела вывезут в безлюдный карьер. Бросят в расщелину. И шашечку толовую туда же. Взрыв, обвал. И все, никакая сила не сможет поднять их из-под многометрового слоя песка, глины и камня. Это не первые трупы. Каждая такая оргия заканчивается летальным исходом.

Это ненужные трупы. Но как же без секса. Хотя бы раз в месяц надо и себя побаловать, и девчонок. А обратно парней увозить нельзя. Никто не должен знать, кто и как живет в этом доме на отшибе...

Может, убийство этих парней – излишняя мера предосторожности. Но Зоя предпочитала перестраховаться. Может быть, именно поэтому за три года она не удостоена вниманием со стороны органов правопорядка.

Под ней крупная организация. Синдикат смерти. Десятки людей, завязанных на заказные убийства. Но мало кто знает, кто ими руководит. Зоя тщательно шифруется. И держит связь с исполнителями через организаторов и посредников. Не так-то просто добраться до нее.

Организаторы и посредники. Анка, Любка, Ирка, Витка и Тонька... Это девчонки, с которых все начиналось...

* * *

Зоя возвращалась домой.

Холод, вьюга. Явление для нее привычное. С рождения в холодных краях. Из Архангельска она. Москва тоже не юг. Здесь она училась в институте физкультуры и занималась спортом в команде мастеров. Ее увлечение и смысл жизни – пулевая стрельба.

Жила Зойка не ахти как. Стипендия курам на смех, родители нет-нет да подкидывают, только мало. Короче, хроническая нехватка денег. Но в общаге она не жила. Комнатушку у одинокой старушки в подмосковном селе снимала. О более серьезном жилье и мечтать не могла.

От станции к дому топать минут двадцать. Частный сектор, улицы тянутся далеко. Вечер, безлюдно. Время пять часов – уже темнеет вовсю.

Ну вот она наконец и дома. А что это за машина?

Возле небольшого частного дома, где она снимала комнату, стояла иномарка, черный, далеко не первой молодости «БМВ». Начало девяностого года. Для тех времен любая иномарка – уже экзотика.

Чтобы попасть домой, Зоя должна была обогнуть машину. Но этого ей сделать не дали.

Резко открылась дверца, и на улицу выпорхнул бритоголовый крепыш. Безжизненные глаза, морда кирпичом.

– погоди, – пробормотал он и перегородил ей путь рукой.

– Да пошел ты! – Она убрала его руку и продолжила путь.

– Ну я же сказал, стоять! – Крепыш потянулся за ней, схватил за плечо.

И тут же в воздухе мелькнули его тяжелые кованые ботинки. Зоя взяла его на прием и подсечкой сбила с ног. Крепыш плюхнулся на свою толстую задницу. И взвыл от боли и унижения.

– Да я тебя, блин!..

Вне себя от бешенства он оторвался от земли, встал на ноги. И тут же вспахал носом снежную целину за кюветом. В этот удар Зоя вложила всю свою силу.

Карате она уже четвертый год всерьез занимается. С тех пор как в институт поступила.

А еще она сама по себе девка здоровая.

– Обалдеть не встать! – послышался насмешливый голос.

Зоя обернулась и увидела двух амбалов в распахнутых дубленках и без шапок. Они вывалились из той же машины. Один из них даже заплотировал ей. И оба лыбятся.

Врезать бы и тому и другому промеж глаз. Да сил на двоих не хватит. И третий уже очухался. Сейчас на нее ринется.

– Эй, Щелчок, в натуре, обороты сбавь, – остановил его один из амбалов. – И вообще свали отсюда, задолбал своей тупостью...

Тот понуро посмотрел на Зою, что-то пробормотал себе под нос, вышел на дорогу и поплелся в сторону станции.

– Зоя, давай к нам, в машину, погрейся, – пригласил ее один амбал.

Взгляд вроде дружелюбный. Ну только на фиг таких друзей.

А еще интересно, откуда он знает, как ее зовут?..

– Да я уже дома. Там и погреемся...

– Да ладно, не буксуй. Дело есть, на сто миллионов. Давай в машину, поговорим... Что, боишься?

– Да нет, не боюсь...

Она села в машину. На заднее сиденье. Рядом с ней пристроился один из амбалов. Он, похоже, был здесь за главного.

– Поехали, – хлопнул он по плечу крепыша за рулем.

– Куда? – взвилась Зоя.

– Да ты не бойся, мы просто чуть отъедем. Чтобы внимание не привлекать. А то пойдут потом разговоры про тебя.

Они и без того уже привлекли внимание. И разговоры про нее пойдут. Но возражать она не стала.

Амбал не обманывал. Машина проехала всего несколько кварталов, остановилась.

– Ну, чего надо? – спросила Зоя.

– Работа для тебя есть, – глядя в окошко, сказал амбал.

– А я что, хочу на работу устроиться?

– Да какая разница, хочешь ты или не хочешь... Короче, присматривались мы к тебе, Зоя. На стрельбище тебя видели. Хорошо ты стреляешь. Очень хорошо... Мы решили, что ты нам подходишь...

– Кто это мы?

– Меньше знаешь, дольше живешь...

– Да где-то слыхала такое... Ну и что за работа?

– Я же говорю, из винтовки ты хорошо стреляешь. Хотя нет, хорошо – не то слово. Ты отлично стреляешь...

– Ну и что дальше?

– А дальше, тебе нужно сделать для нас один-единственный выстрел. За это ты получишь две тысячи долларов.

– Две тысячи долларов? За один выстрел?

– Да, за один. Ну, максимум, за два... Ты, наверное, поняла, в кого стрелять...

Неужели?.. Зое стало страшно. Она осознала, для чего понадобилась бандитам. Ясно, что не для победы на каких-нибудь соревнованиях, где все решает один выстрел. Бандиты убивают людей, и не всегда своими руками. Иногда они нанимают для этого киллеров со стороны. И одним из таких киллеров предлагают стать Зое...

– В человека? – еле слышно проговорила она.

– В очень нехорошего человека, – беспечно уточнил бандит.

– Я бы не хотела убивать...

Но ее голос звучал неубедительно. Откуда-то появился подлый бес, запрыгал в ее душе. «Соглашайся! Соглашайся! Соглашайся!..» В голове зашумело.

Амбал будто понял, что с ней творится. И подтолкнул ее к страшному решению.

– Две тысячи на дороге не валяются...

И все же у нее еще оставались кое-какие силы бороться с искушением.

– Мне нужно подумать...

– Подумай, конечно, – кивнул амбал. – Да, кстати, мы очень серьезные люди. И если ты справишься с работой, получишь еще один заказ. А это уже будет тысяч пять, вряд ли меньше.

Сейчас у нее с деньгами мало-мальский порядок. Но завтра, послезавтра в кармане снова засвистит ветер. Как же горько она пожалеет, если сейчас откажется от выгодного предложения.

– Не думай, мы не захотим от тебя избавиться после этого дела. Нам нужны спецы вроде тебя... А потом, ты не только с винтовкой в ладах. Карате владеешь. Наверняка черный пояс...

– Да, первый дан...

– Ништяк... Разве такими спецами разбрасываются?

Амбал умел говорить очень убедительно. И этим окончательно настроил Зою на положительный ответ.

– Хорошо, я согласна, – решила она. И тут же поставила условие: – Но деньги вперед...

– Нет, – покачал головой амбал. – Вперед только первая половина, вторая по исполнению...

Его серьезный тон очень нравился Зое. У нее даже не зародилось подозрение, что этот человек, возможно, из милиции и проверяет ее на вшивость. Такая мысль у нее появилась потом. Но тут же была отброшена в сторону как нелепая.

– Послезавтра в десять утра на этом самом месте тебя будет ждать машина. В ней буду я. Прокатимся за город. Получишь инструмент...

– Какой инструмент? – не сразу поняла Зоя.

– Ну, понятное дело, не грабли и не лопату...

– Все, все, я поняла...

Инструмент – это винтовка с оптическим прицелом. Она получит ее за городом, где-нибудь в глухом месте. Надо же проверить, как стреляет винтовка.

Зоя не ошиблась. Через день вместе с Эдиком – так звали амбала – она оказалась на заброшенном стрельбище.

Водитель машины побежал устанавливать мишень. Эдик открыл багажник. В нем, закутанная в брезент, лежала винтовка.

– Ну как? – спросил он, расчехлив оружие.

У Зои просто не было слов.

– Снайперская винтовка Драгунова. Прицельная дальность тысяча двести метров. Сила, а?

– Сила, – согласилась Зоя. – Только я из такой не стреляла...

– А для чего мы здесь?.. Тренируйся!

Мишень установили на расстоянии двести метров. Стреляла она из положения стоя. Так велел Эдик.

Он показал, как готовить оружие к бою. Она самолично сделала это, взяла винтовку на изготовку, уперла приклад в плечо, прицелилась.

Винтовка была отлично сбалансирована, легко удерживалась. Словом, внушала полное доверие.

Выстрел, второй, третий... Она расстреляла все десять патронов в обойме. Прицел был отрегулирован до нулевой погрешности – все пули легли точно в «десятку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.